

Ч. Ледбитер

ОЧЕРКИ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Выдержки из книги "ЧЕЛОВЕК: ОТКУДА, КАК И КУДА"

Когда, рассказывая о ясновидении, я упомянул о великолепных возможностях исследования прошлого, которые открываются перед историками, некоторые читатели сообщили мне, что если бы любые фрагменты результатов таких исследований были представлены публике, они вызвали бы у теософов глубокий интерес. Несомненно, это так, но оказалось не так легко исполнить это пожелание, как можно было бы полагать. Следует помнить, что такие исследования предпринимаются ни для удовольствия, ни для удовлетворения обычного любопытства, но лишь когда они оказываются необходимы для должного выполнения какой-то части работы, или для объяснения какого-то тёмного момента наших исследований. Большинство сцен из давней истории мира, которые столь интересовали и восхищали наших исследователей, прошли перед нашим взором в ходе исследования той или иной из последовательностей жизней, прослеживавшихся в глубину веков, чтобы собрать информацию о работе великих законов кармы и реинкарнации. Поэтому наши знания об отдалённой древности имеют скорее характер последовательности проблесков или галереи образов, чем целостной картины и связной истории.

Тем не менее, даже в этих сравнительно случайных и несвязанных наблюдениях перед нашими глазами открылось множество вещей, представляющих чрезвычайный интерес — не только касавшихся великолепных цивилизаций Египта, Индии и Вавилонии, и более современных государств Персии, Греции и Рима, но и других, превосходивших по масштабу даже вышеупомянутые, которые по сравнению с ними были уже поздними цветами. Эти могущественные империи начинались ещё на самой заре человечества, хотя некоторые фрагменты их следов ещё остаются на Земле для имеющих глаза, чтобы видеть.

Пожалуй, величайшими из их всех были охватывающие весь мир владения божественных правителей Города Золотых Врат древней Атлантиды, поскольку за исключением первоначальной арийской цивилизации по берегам Центральноазиатского моря, почти все империи, которые люди называли великими, были лишь бледными и частичными копиями этой удивительной организации. До неё же не существовало ничего, что можно было бы вообще с ней сравнить, и единственными попытками учредить правление в действительно большом масштабе были государства яйцеголовой подрасы лемурийцев и мириад тлаватлей, строителей курганов, живших на дальнем западе ранней Атлантиды.

Некоторые черты политической системы, которая столь много тысячелетий сосредоточивалась вокруг великолепного Города Золотых Врат, уже набрасывались в одном из Протоколов Лондонской Ложи; сейчас же я собираюсь предложить вам лёгкий набросок одной из её позднейших копий, которая, хотя и в малом масштабе в сравнении со своей великой родительницей, всё же сохранила в себе многое из великолепного общественного духа и верховенствующего чувства долга, которые были самой жизнью этой великой древней схемы — и всё это уже почти что в то время, которое мы привыкли относить к историческим

периодам.

Часть света, к которой мы ради этого обратим своё внимание — это древнее перуанское царство, которое, однако, охватывало гораздо большую часть Южноамериканского континента, чем та республика, которая сейчас носит название Перу, или даже чем та страна, которой владели инки в XVI столетии, когда их застали испанцы. Верно, что система правления в этом позднейшем царстве, вызвавшая восхищение Писарро, старалась воспроизвести условия более великой и древней цивилизации, о которой я собираюсь сейчас рассказать, но всё же, как бы ни была удивительна эта бледная копия, мы должны помнить, что это была именно копия, созданная через тысячи лет более низкоразвитым народом в попытке возродить те традиции, некоторые из лучших моментов которых уже были забыты.

Первое знакомство наших исследователей с этой интереснейшей эпохой произошло в ходе стараний проследить длинную цепь воплощений. Было выяснено, что после двух благородных жизней, прожитых в великих трудах и напряжении (что было, очевидно, следствием серьёзной неудачи в одной из предшествовавших жизней), субъект, историю которого мы решили проследить, родился в благоприятных условиях в этой великой Перуанской Империи и прожил там жизнь, которая, хотя и была так же полна тяжёлой работы, как и предшествовавшие, всё же отличалась тем, что там он удостоился счастья и успеха в куда большей степени, чем обычно выпадает на долю человека.

Естественно, зрелище государства, в котором большинство социальных проблем, похоже, были решены (там не было бедности, недовольства, и почти не было преступности), сразу же привлекло наше внимание, хотя в то время мы не могли задержаться, чтобы исследовать его более пристально. Но когда линии некоторых других исследовавшихся нами жизней тоже привели нас в эту страну в тот же период, и мы стали узнавать всё больше и больше о её манерах и обычаях, то постепенно мы осознали, что наткнулись на настоящую осуществлённую утопию — время и место, где по крайней мере физическая жизнь была лучше устроенной, счастливой и полезной, чем, вероятно, где-либо ещё.

Несомненно, найдутся многие, которые зададут вопрос — откуда нам знать, что это описание отличается от описаний всех прочих утопий, и как мы можем быть уверены, что исследователи не обманывали себя красивыми мечтами, и не считывали свои же собственные идеи, превращая их в видения, и убеждая себя в том, что они действительно это видели? То есть как мы можем убедиться, что это более, чем просто сказка?

Единственный ответ, который можно дать таким вопрошателям — что такой гарантии *нет*. Сами исследователи в этом уверены — благодаря долгому накоплению многочисленных доказательств, которые сами по себе зачастую были малы, но в совокупности своей достаточны. Они также были уверены в своих знаниях о разнице между наблюдением и воображением, постепенно приобретённых в долгих терпеливых опытах. Они очень хорошо знают, как часто им приходилось встречаться с вещами совершенно невообразимыми и неожиданными, и как часто в результате этого им приходилось расставаться со своими прежними представлениями, которые они долго лелеяли. Кроме этих исследователей, были и другие люди, которые уверены в этом практически в той же мере — как благодаря собственной интуиции, так и тому, что они хорошо знали тех, кто выполнял эту работу. Для остального же мира все эти исследования столь отдалённого прошлого неизбежно должны остаться лишь гипотезой. Они могут считать это описание древней перуанской цивилизации просто сказкой, и всё же я надеюсь, что они признают, что это сказка прекрасная.

Я полагаю, что кроме как методами ясновидения окажется невозможным восстановить какие-либо следы цивилизации, которую мы здесь исследуем. Я почти не сомневаюсь, что такие следы существуют, но чтобы приобрести достаточные знания, позволяющие уверенно отделить их от следов других, позднейших рас, потребуются весьма обширные и тщательные раскопки. Может статься, что в будущем историки и археологи обратят больше внимания на эти удивительные страны Южной Америки, чем они уделяют сейчас, и тогда, возможно, им удастся выявить следы разных рас, которые, одна за другой, заселяли их и правили ими. Но пока что всё, что мы знаем о Древнем Перу (если не считать данных ясновидения) — это то небольшое, что было рассказано нам испанскими конкистадорами, а ведь цивилизация, которая столь удивила их, была лишь бледным и отдалённым отражением более древней и великолепной реальности.

Сама раса с тех пор изменилась, ибо те, кого там застали испанцы, были лишь боковым отростком великолепной третьей расы атлантов, у которой, похоже, было много больше жизнестойкости, чем у любой из последовавших, хотя очевидно, что эта ветвь во многих отношениях демонстрировала последнюю стадию дряхлости, будучи во многом более варварской, деградировавшей, и менее утончённой, чем та более ранняя ветвь, о которой мы будем говорить.

Этот маленький листочек из подлинной истории мира, беглый взгляд на одну лишь картину из огромной галереи природы, открывает нам то, что в сравнении со всем ныне существующим вполне может показаться идеальным государством. Частично наш интерес к нему был вызван тем, что там были вполне осуществлены все те вещи, к которым стремятся современные социальные реформаторы, но достигнуты они были методами, диаметрально противоположными тем, которые предлагаются сейчас. Народ жил в мире и процветании, такая вещь, как бедность, была неизвестна, и практически не было преступлений. Ни у кого не было причин для неудовольствия, поскольку у каждого были возможности для раскрытия своего гения (если он таковым обладал), и он мог выбрать себе любую профессию или линию деятельности, какой бы она ни была. Ни на одного человека не возлагалась работа, слишком тяжёлая для него, у каждого было много свободного времени для любого желаемого занятия или достижения; образование было полным, бесплатным и эффективным, а о больных и стариках прекрасно заботились. И вся эта тщательно разработанная система материального благосостояния была осуществлена, и насколько мы можем видеть, только и могла быть осуществлена, при такой абсолютной монархии, которую только видал мир.

Толтекская цивилизация в древнем Перу, XIII тысячелетие до н.э.

Цивилизация Перу в XIII тысячелетии до н.э. столь близко напоминала Толтекскую Империю в её зените, что мы, поскольку тщательно исследовали этот период, используем его здесь как пример цивилизации атлантов. Египет и Индия в атлантский их период дали другие примеры, но в целом основные черты Толтекской Империи лучше всего были представлены в Перу описываемого нами периода. Правление было самодержавным — никакое иное правительство в те времена не было возможным.

Чтобы показать, почему это было так, мы должны мысленно вернуться в более ранний период — к первоначальному выделению великой четвёртой коренной расы. Станет очевидно, что когда Ману и его сподвижники — великие адепты из намного более высокой эволюции —

воплотились среди молодой расы, над развитием которой они работали, для этого народа они были совершенными богами как в знаниях, так и в силе, настолько они опережали его во всех мыслимых отношениях. В таких обстоятельствах не могло быть иной формы правления, кроме автократии, поскольку правитель был единственным человеком, который действительно что-то знал, и поэтому ему приходилось принять управление над всем. Потому эти великие стали естественными правителями и водителями человечества-ребёнка, и им всегда выказывалось охотное повиновение, потому что благодаря их мудрости авторитет их был общепризнан, равно как и то, что самая большая помощь, которую только можно оказать невежественным — это вести и обучать их. Отсюда и произошёл тот общественный порядок, как и должен приходиться всякий истинный порядок — сверху, а не снизу, и по мере распространения новой расы этот принцип сохранялся. На его основании были созданы могущественные монархии отдалённой древности, в большинстве случаев начинаясь с правления царей-посвящённых, мудрость и власть которых вела их младенческие государства через все начальные трудности.

Таким образом получилось, что даже когда первоначальные божественные правители передали свои посты в руки своих учеников, истинный принцип правления всё ещё понимался, и потому, когда основывалось новое царство, всегда предпринимались усилия как можно более точно имитировать в новых условиях великолепные институты власти, которые божественная мудрость уже дала миру. Только лишь когда и у народа, и у правителей возрос эгоизм, прежний порядок постепенно стал меняться, уступив место немудрым экспериментам и правительствам, движимым жадностью и честолюбием, а не вдохновляемым исполнением долга.

В рассматриваемый нами период — около 12000 г. до н.э. — ранние Города Золотых Врат уже не существовали, так как многие тысячи лет назад они скрылись под волнами океана, и хотя главный из царей острова Посейдониса всё ещё высокомерно короновался прекрасным титулом, некогда принадлежавшим царям Атлантиды, он уже не претендовал на то, чтобы следовать методам правления, которые обеспечивали им стабильность, намного превосходящую ту, что даёт обычное человеческое устройство правления. Однако, за несколько столетий до этого, царями страны, позже названной Перу, была предпринята хорошо задуманная попытка возродить — хотя конечно же в значительно меньшем масштабе — жизнь этой древней системы, и в эпоху, о которой мы говорим, это возрождение вполне состоялось и было, вероятно, в зените своей славы, хотя система эта сохраняла свою эффективность и впоследствии, на протяжении множества веков. Именно это перуанское возрождение мы сейчас и рассматриваем.

Несколько трудно дать представление о физической внешности расы, населявшей страну, поскольку ни одна ныне существующая на Земле раса не напоминает её достаточно, чтобы послужить сравнением, не сбивая с верной мысли в том или ином направлении. Представители великой третьей подрасы атлантской коренной расы, ещё сохранившиеся на Земле, значительно выродились и измельчали в сравнении с тем, какой была эта раса во времена её славы. У наших перуанцев были высокие скулы, и общий их облик ассоциировался у нас с высшим типом индейцев, хотя контур лица имел отличия, делавшие его скорее более арийским, чем атлантским, и выражение его фундаментально отличалось от выражения лиц современных краснокожих, будучи открытым, радостным и мягким, а у высших классов на лицах были явные признаки проницательного интеллекта и благосклонности. Цвет кожи был красновато-бронзовым, в целом более светлый у высших классов, и более тёмный у низших, хотя классы были так перемешаны, что вряд ли можно было выделить даже такое различие.

В целом расположение духа народа было счастливым, довольным и мирным. Законы были

немногочисленными, удобными и хорошо исполнялось, так что население было естественно законопослушным; климат был по большей части приятным, позволяя людям не утомляться чрезмерно на земледельческих работах, поскольку при умеренных усилиях давал богатый урожай. Это делало людей довольными и позволяло получать от жизни максимум. Очевидно, что такое настроение народа давало правителем страны огромные начальные преимущества.

Как было уже замечено, монархия была абсолютной, но всё же она настолько отличалась от всего существующего сейчас, что простое упоминание монархии не даст никакого представления о фактах. Тон во всей системе задавала ответственность. У царя, конечно же, была абсолютная власть, но он также нёс и абсолютную ответственность за всё происходящее. С ранних лет его учили понимать, что где бы в его обширной империи ни существовало какое-нибудь зло, которого можно было избежать — например, человек, желающий работать, не мог найти себе подходящий вид работы, или больной ребёнок не получал должного внимания — это было упущением в его руководстве, пятном на его правлении и на его личной чести.

У него имелся большой правящий класс, помогавший ему в его работе, и будучи на попечении этого класса, вся нация подразделялась самым тщательным и систематическим образом. Прежде всего, империя разделялась на провинции, над каждой из которой был поставлен вице-король, за ними шли те, кого мы могли бы назвать генерал-губернаторами округов, а за теми — губернаторы городов и небольших областей. Каждый из них прямо отвечал перед вышестоящим начальником за благосостояние каждого человека в его ведении. Это подразделение ответственности продолжалось, пока мы не доходили до своеобразного сотника — чиновника, на попечении которого была сотня семей, за которые он был полностью ответственен. Это был самый низший представитель правящего класса, но ему, в свою очередь, обычно помогали добровольные помощники, взятые им из каждого десятого семейства, доставлявшие ему самые последние новости обо всём, что требовалось или шло не так.*

* Читавшие древнеиндийскую литературу сразу же признают сходство этой системы с той, что преобладала у ариев в ранний период. Это только естественно, поскольку все следующие друг за другом ману являются членами той же Иерархии, и заняты в аналогичной работе.

Если кто-либо из чиновников, входивших в эту тщательно разработанную систему, пренебрегал своей работой, сообщение вышестоящему начальнику вызывало немедленное расследование, поскольку честь последнего зависела от полного довольства и благосостояния каждого, кто находился в его юрисдикции. Такая неусыпная бдительность при исполнении общественного долга не столько вменялась законом (хотя, несомненно, закон такой был), сколько вызывалась общим для всего правящего класса чувством, схожим с чувством чести джентльмена, что было силой, превосходящей силу любого внешнего закона, поскольку в действительности тут действовал высший закон изнутри — указание пробуждающегося "Я" личности, касающееся того, что оно *знает*.

Таким образом видно, что мы познакомились с системой, во всех отношениях основывавшейся на том, что было полным антитезисом всем тем идеям, которые провозглашаются сейчас прогрессивными. Фактор, делавший такой вид правления возможным и действенным — существование среди всех классов просвещённой части общества глубоко укоренившегося мнения — столь сильного и определённого, что делало практически невозможным для любого человека неисполнение своего долга перед государством. Всякий, кто не исполнял его, считался бы нецивилизованным существом, недостойным высокой привилегии гражданства в этой великой империи "Детей Солнца", как называли свою страну эти ранние перуанцы. На

него смотрели бы примерно с таким же ужасом и жалостью, как в средневековой Европе — на отлучённого от церкви.

Из этого положения дел — столь отличного от чего-либо существующего сейчас, что нам очень трудно его представить — возникал другой факт, почти столь же трудный для нашего осознания. В древнем Перу почти не было законов, а следовательно — и тюрем, и наша система исполнения наказаний показалась бы тому народу, о котором мы сейчас говорим, совершенно бессмысленной. В их глазах жизнь гражданина империи казалась единственной стоящей жизнью, и все хорошо понимали, что каждый человек занимал своё место в обществе только на условиях исполнения своего долга перед ним. Если кто-нибудь каким-либо образом не исполнял его (а это был почти неслыханный случай из-за уже упомянутой силы общественного мнения), от чиновника, управляющего областью, где он жил, требовали объяснений, и если расследование показывало, что он достоин осуждения, то он получал от этого чиновника выговор. Что-либо подобное систематическому пренебрежению своим долгом расценивалось как одно из ужасных преступлений, подобное убийству или воровству, и за все подобные преступления наказание было только одно — изгнание.

Теория, на которой основывалось подобное общественное устройство, была исключительно проста. Перуанцы придерживались мнения, что цивилизованный человек принципиально отличается от дикаря тем, что понимает и разумно выполняет свои обязанности перед государством, часть которого составляет. Если же он *не* выполняет эти обязанности, он сразу же становится опасностью для государства. Он показал, что недостоин участвовать в его благах, и следовательно, исключается из него, чтобы жить среди варварских племён на границах империи. Отношение перуанцев к этому вопросу, может быть, хорошо характеризует само слово, которым у них назывались эти племена — с их языка оно буквально переводилось как "беззаконные".

Однако, к этой крайней мере — изгнанию — приходилось прибегать лишь изредка. В большинстве случаев чиновников любили и уважали, и одного намёка с их стороны было более чем достаточно, чтобы призвать нарушителя к порядку. Да и те немногие исключённые изгонялись из родной страны не навсегда — после определённого периода им, после испытательного срока, позволялось вновь занять своё место среди цивилизованных людей, и снова получать удовольствие от преимуществ гражданства, как только они покажут себя достойными этого.

Среди многих функций чиновников (или "отцов", как они назывались), была обязанность судей, хотя законов, в нашем понимании, там практически не было; скорее всего они больше всего соответствовали нашим третейским или арбитражным судьям. Все споры, которые возникали между двумя людьми, передавались им, и в этом случае, как и во всех других, неудовлетворённый решением мог подать апелляцию вышестоящему судье, так что в пределах возможного было и то, что какое-нибудь запутанное дело доходило до подножия трона самого царя.

Высшими руководителями предпринимались все усилия к тому, чтобы быть доступными для всех, и частью составленного для этой цели плана была тщательно разработанная система визитов. Раз в семь лет сам царь совершал для этой цели объезд империи, и точно так же губернатор провинции должен был объезжать её ежегодно, а его подчинённые в свою очередь должны были постоянно наблюдать собственными глазами, всё ли хорошо у вверенных им людей, а тем, кто хотел бы проконсультироваться с ними или обратиться к ним, предоставлять для этого всякую возможность. Эти царские и губернаторские поездки обставлялись с

достаточной торжественностью и всегда были поводами к радости народа.

Система правления по меньшей мере в том имела что-то общее с современной, что существовала полная и тщательная система регистрации. Рождения, браки и смерти фиксировались со скрупулёзной точностью, из чего составлялась статистика во вполне современном стиле. У каждого сотника был подробный список всех его подопечных, и на каждого из них у него была заведена любопытная маленькая табличка, на которую заносились основные события его жизни, по мере того, как они происходили. Но вышестоящему начальнику он уже не сообщал имён, а отчитывался в числах — сколько больных, сколько здоровых, сколько родилось, сколько умерло и т.д., и эти маленькие отчёты постепенно сводились воедино и передавались всё выше и выше по чиновничьей иерархии, пока их резюме периодически не доставлялось самому монарху, у которого таким образом всегда под рукой были результаты этой постоянной переписи населения империи.

Другой момент сходства между этой древней системой и нашей собственной можно найти в том, насколько тщательно отмерялась и нарезалась земля, и прежде всего — как она *анализировалась* — ибо главной целью всех этих обследований было выяснить точное состояние земли в разных частях страны, чтобы можно было засадить её наиболее подходящей культурой и получить от неё максимум в целом. В самом деле, можно сказать, что наибольшая важность в сравнении со всеми прочими направлениями работы придавалась тому, что мы бы назвали научным ведением сельского хозяйства.

Это прямо подводит нас к рассмотрению того, что наверно было самым примечательным из всех институтов этой древней расы — её земельной системы. Это уникальное устройство столь прекрасно подходило этой стране, что куда более низкоразвитая раса, которая через тысячи лет покорила и поработила выродившихся потомков наших перуанцев, постаралась поддерживать её, насколько ей это удавалось, и её остатки, которые ещё действовали, вызвали восхищение заставших её испанских завоевателей. Можно сомневаться, могла ли такая система успешно проводиться на менее плодородных и более заселённых землях, но во всяком случае, она превосходно работала в то время и в том месте, где мы её обнаружили. И теперь мы должны постараться объяснить эту систему, сначала для ясности набросав лишь её общие контуры и оставив многие жизненно важные моменты для объяснения в другом месте.

Каждому городу или деревне отводилось для обработки определённое количество пахотной земли вокруг, и оно было строго пропорционально количеству жителей. Из этих жителей всегда назначалось значительное количество работников для обработки земли, которых можно было назвать рабочим классом. Не то, чтобы другие не работали, но эти были выделены для данного конкретного типа работы. Как набирался этот рабочий класс, мы объясним позднее, а пока что нам будет достаточно сказать, что его члены были мужчинами в расцвете сил, в возрасте от 25 до 45 лет — стариков, детей, больных или слабых людей в его рядах не было.

Земля, отведённая каждой деревне для обработки, прежде всего делилась на две половины, которые мы можем назвать частной и общественной землёй. Обе они должны были обрабатываться рабочими — частная земля для их собственных нужд и выгоды, а общественная земля — для блага общества. Обработка общественной земли, так сказать, выполняла роль налогов, собираемых в современных государствах. Естественно, сразу может возникнуть представление, что налог, составлявший половину дохода человека или отнимавший половину его времени и энергии (что в данном случае то же самое), чрезмерно тяжёл и несправедлив. Но пусть читатель подождёт, пока не узнает, что делалось с продуктом этой общественной земли, и какую роль он играл в жизни нации, прежде чем станет осуждать это как тираническую

эксплуатацию. Нужно усвоить, что практически выполнение этого правила вовсе не приводило к суровым результатам — обработка и своей, и общественной земли означала куда менее тяжёлую работу, чем выпадает на долю английского крестьянина. И хотя по меньшей мере дважды в год она требовала нескольких недель непрерывной работы с утра до ночи, были длинные периоды, когда всё необходимое легко делалось за два часа в день.

Частная земля, которой мы займёмся сначала, разделялась между жителями с самой скрупулёзной справедливостью. Каждый год после сбора урожая каждому взрослому, будь то мужчина или женщина, давался определённый участок земли, хотя вся обработка выполнялась мужчинами. Таким образом, женатый мужчина без детей мог иметь в два раза больше земли, чем холостой, а например, вдовец с двумя незамужними дочерьми — в три раза больше, но когда дочь выходила замуж, её надел переходил вместе с ней к её мужу. С рождением каждого ребёнка паре давался дополнительный участок, который увеличивался по мере того, как дети росли — это делалось, чтобы у каждой семьи было необходимое пропитание.

Человек мог выращивать на своей земле всё, что угодно, но не мог оставлять её необработанной. Конечно, он должен был выращивать то или иное зерно для своего пропитания, но коль скоро этого было достаточно для жизни, остальное было его собственным делом. В то же время к его услугам всегда были эксперты, от которых он мог получить самый лучший совет, так что он не мог пожаловаться на незнание, если его выбор оказывался неподходящим. Человек, не принадлежащий к этому классу сельскохозяйственных рабочих, то есть, зарабатывающий каким-то иным способом, мог либо обрабатывать свой участок в свободное время, либо нанять одного из этих рабочих, но в этом случае продукт принадлежал не ему, а человеку, который выполнял работу. Тот факт, что один такой рабочий мог выполнять работу двоих, что он часто совершенно добровольно и делал, доказывает, что этот фиксированный объём работы с действительности был весьма нетрудным делом.

Приятно отметить, что в связи с этой сельскохозяйственной работой всегда выказывалось много дружеских чувств и изъяслялась готовность помочь. Человек, имевший много детей и потому необычно большой земельный участок, всегда мог рассчитывать на любезную помощь своих соседей, как только они закончат свои более лёгкие труды, и всякий, у кого были основания устроить себе выходной, никогда не оставался без помощи друга, который занимал его место на время его отсутствия. Вопросы болезни мы здесь не касаемся по причинам, которые скоро станут ясны.

Что касается урожая, то с тем, как им распорядиться, не было никаких трудностей. Большинство людей выбирали для выращивания те зерновые культуры, фрукты и овощи, которые они сами могли использовать в пищу, а излишек можно было продать или обменять на одежду или иные товары. В худшем случае правительство всегда было готово купить любое количество предложенного зерна по фиксированной цене, которая была чуть меньше рыночной, для своих запасов, которые всегда содержались в огромных зернохранилищах на случай голода или иной чрезвычайной ситуации.

Но давайте теперь посмотрим, что делалось с урожаем другой половины обрабатываемой земли, которую мы называли общественной. Она сама подразделялась на две равные части (каждая из которых таким образом составляла четверть всей пахотной земли в стране), и одна из них называлась землёй царя, а другая — землёй Солнца. Существовал закон, что прежде всего должна была обрабатываться земля Солнца, а когда это было сделано, человек мог заняться своей личной землёй, и только когда вся эта работа была выполнена, он должен был внести свой вклад в обработку земли царя. Так что если плохая погода задерживала урожай,

потери в первую очередь нёс царь, и это, за исключением совсем уж неурожайных лет, не влияло на личную долю. Земля же Солнца была застрахована почти что от всех возможных случайностей, за исключением полной гибели посевов.

Что касается вопроса орошения, всегда важного в стране, большая часть которой бесплодна, всегда соблюдался тот же порядок. Пока не были полностью орошены земли Солнца, ни одна капля драгоценной воды не направлялась в другие места, и пока личные участки всех людей не получали требуемого, вода не направлялась на царские земли. Смысл такого распределения будет очевиден позже, когда мы поймём, как использовалась продукция этих разных наделов.

Таким образом мы видим, что четверть всего богатства страны направлялась непосредственно в руки царя, поскольку с деньгами, выручаемыми от производства или добычи полезных ископаемых поступали так же — первая четверть Солнцу, затем половина рабочим и оставшаяся часть — царю. Что же делал царь с этим громадным доходом?

Во-первых, он содержал всю правительственную машину, о которой уже упоминалось. Жалованье всему классу чиновников — от вице-королей больших провинций до сравнительно скромных сотников — выплачивалось им, и не только жалование, но и все их расходы, связанные с визитами и прочими поездками.

Во-вторых, на эти доходы он осуществлял все гигантские общественные работы своей империи, даже отдельные руины которых всё ещё удивляют нас через четырнадцать тысячелетий спустя. Замечательные дороги, соединявшие города и городки по всей империи, прорубались сквозь гранитные горы и огромными мостами пересекали непреодолимые пропасти. Великолепная система акведуков, которые в инженерном отношении нисколько не уступали современным, могла доставлять жизнедающую воду в самые дальние уголки засушливой и часто бесплодной страны. Всё это строилось и поддерживалось на доходы, получаемые с царских земель.

В-третьих, он строил и всегда держал полными огромные зернохранилища, расположенные с частым интервалом по всей империи. Ведь иногда случалось, что дождливый сезон вообще не приходил, и несчастным крестьянам мог угрожать голод — потому существовало правило, что всегда должен поддерживаться двухлетний запас продуктов для всей нации — запас, который, вероятно, никакая другая нация не пыталась держать. И каким бы колоссальным ни было это предприятие, это правило всегда выполнялось несмотря на все затруднения. Возможно, даже великая власть перуанского императора не смогла бы добиться этого, но у него имелся способ создания концентрированной пищи, который был одним из открытий его химиков — этот метод будет упомянут позже.

В-четвёртых, на эти средства он содержал армию — ибо у него была армия, и очень хорошо подготовленная, хотя он использовал её для многих других целей, кроме военных, поскольку для неё не часто находилась такая работа — менее цивилизованные племена, окружавшие империю, знали и научились уважать её силу.

Здесь лучше не останавливаться для описания особой работы армии, дабы закончить наш грубый набросок устройства этого древнего государства, показав место, занимаемое в нём великим сословием жрецов Солнца — насколько это касается светской стороны их работы. Как же использовали они свои огромные доходы, в общей сумме равные доходам царя, когда последние достигали своего максимума, да ещё и лучше застрахованные от снижения в годы неурожая?

Царь на свою долю доходов действительно совершал чудеса для благосостояния страны, но его достижения меркнут в сравнении с достижениями жрецов. Во-первых, они содержали великолепные храмы Солнца по всей стране, причём в таком масштабе, что маленькая деревенская часовня имела золотые украшения, вес которых можно было бы считать на тонны, а уж храмы больших городов сияли таким великолепием, к которому с тех пор никогда не приближались нигде на Земле.

Во-вторых, они давали бесплатное образование всей молодёжи империи — как юношам, так и девушкам. Это было не просто начальное образование, но тщательное техническое обучение, которое длилось до двадцатилетнего возраста, а иногда и заметно дольше. Подробности о нём мы приведём позже.

В-третьих (и это, возможно, покажется нашим читателем самой необычайной из их функций), они полностью заботились обо всех больных. Это не значит, что они были просто врачами (хотя и ими они тоже были), но с того момента, как мужчина, женщина или ребёнок заболели, они сразу же переходили под опеку жрецов, или, по тогдашнему изящному выражению, становились "гостями Солнца". Больной незамедлительно освобождался от всех своих обязанностей по отношению к государству, и до его выздоровления не только необходимые лекарства, но и продукты питания поставлялись ему бесплатно из ближайшего храма Солнца, тогда как в серьёзных случаях его обычно забирали туда как в больницу, чтобы обеспечить ему более тщательный уход. Если заболевший был кормильцем семьи, его жена и дети тоже становились "гостями Солнца" до его выздоровления. В наши дни любая система, хотя бы отдалённо напоминающая эту, непременно привела бы к мошенничеству и симуляции, но это из-за отсутствия у современных наций того просвещённого и повсеместно распространённого общественного мнения, которое в древнем Перу делало такие вещи невозможными.

В-четвёртых, — и возможно, это заявление сочтут даже более поразительным, чем предыдущее — *все люди* старше сорокапятилетнего возраста (за исключением чиновников) тоже становились "гостями Солнца". Считалось, что человек, проработавший 25 лет после двадцатилетнего возраста, когда на него впервые возлагались обязанности по внесению своего вклада в государство, заслужил отдых и комфорт до конца своей жизни, сколько бы она ни продлилась. Поэтому всякий человек, достигнув возраста в 45 лет, мог, если желал, прикрепиться к одному из храмов, и жить жизнью изучающего, подобной монашеской, или, если он предпочитал остаться со своими родственниками, он мог жить и с ними, распоряжаясь своим досугом, как ему угодно. Но в любом случае он освобождался от всякой работы на государство, а его пропитание обеспечивалось жрецами Солнца. Конечно, ему вовсе не возбранялось продолжать любой вид работы, какую он пожелает, и фактически большинство людей предпочитало найти себе какое-нибудь занятие, даже если это было всего лишь хобби. В действительности, большинство самых ценных открытий и изобретений были сделаны теми, кто будучи свободен от постоянных трудов, был волен следовать своим идеям и экспериментировать на досуге так, как не мог никто из занятых людей.

Члены класса чиновников, однако, не удалялись от активной жизни в возрасте 45 лет, кроме как в случае болезни; не делали этого и жрецы. В этих двух классах считалось, что мудрость и опыт, накопленные с годами, были слишком ценными, чтобы их не использовать, так что в большинстве случаев жрецы и чиновники умирали, будучи ещё на службе.

Теперь станет очевидно, почему работа жрецов считалась самой важной, и почему вклад в богатства Солнца не должен был снижаться, даже если другие доходы страдали — ведь от них

зависели не только религиозные дела, но и образование молодёжи и забота о больных и стариках.

Этой странной системой ещё в те отдалённые времена было достигнуто следующее — каждому человеку было обеспечено полное образование со всеми возможностями развития любых его особых талантов, затем следовали 25 лет работы — довольно упорной, но никогда не чрезмерной по количеству или неподходящей по характеру, после чего был обеспечен комфорт и свободное время, и человек был совершенно свободен от всяческих забот или беспокойств. Конечно же, некоторые были беднее других, но то, что мы называем бедностью, было неизвестно, и нужда была невозможно; а в дополнение к этому почти не было преступности. Неудивительно, что изгнание из этого государства считалось самым страшным земным наказанием, и что варварские племена на границах сразу же включались в эту систему, как только им удавалось её понять.

Интересно будет исследовать религиозные представления этих людей древних времён. Если бы нам нужно было классифицировать их веру, поместив её среди уже нам известных, нам пришлось бы назвать её культом Солнца, хотя конечно же они и не думали поклоняться физическому Солнцу. Всё же они считали его чем-то большим, чем просто символ. Если мы постараемся выразить их чувства в теософической терминологии, пожалуй, ближе всего мы подойдём к их идее, если скажем, что они смотрели на Солнце как на физическое тело Логоса, хотя этим мы припишем им такое представление, которое они сами, вероятно, сочли бы непочтительным. Они сказали бы вопрошающему, что поклоняются Духу Солнца, от которого всё пришло и к которому всё вернётся, и это вовсе не неудовлетворительное представление великой истины.

Похоже, у них не было ясного представления о доктрине перевоплощения. Они были совершенно уверены, что человек бессмертен, и придерживались мнения, что в конечном счёте ему было предназначено вернуться к Духу Солнца, возможно, став единым с ним, хотя это в их учениях не было ясно определено. Они знали, что до этого конечного свершения должно было пройти множество других длительных периодов существования, но мы не находим, что они с уверенностью сознавали, что какая-то часть этой будущей жизни будет вновь проведена на этой земле.

Самой выдающейся чертой их религии был её радостный характер. Всякая грусть или печаль считалась злом и полной неблагодарностью, поскольку эта религия учила, что Божество желает видеть своих детей счастливыми, и само бы опечалилось, увидев их печаль. Смерть не считалась поводом для скорби, но скорее для чего-то вроде торжественной и почтительной радости, поскольку Великий Дух счёл ещё одного из своих детей достойным приблизиться ближе к нему. Напротив, самоубийство, в виду этой идеи, считалось самым отвратительным поступком и актом грубейшей самонадеянности — человек, совершивший самоубийство, пытался без приглашения войти в высшие царства, годным для которых он ещё не был сочтён единственным авторитетом, обладавшим знаниями, требуемыми для решения этого вопроса. Но в действительности во времена, о которых мы пишем, самоубийства были практически неизвестны, потому что народ в целом был очень довольным.

Публичные службы были самого простого характера. Ежедневно воздавались хвалы Духу Солнца, но они никогда не были молитвами. Религия учила, что Божество лучше знает, что нужно людям для их блага — хотелось бы, чтобы эту доктрину полнее понимали и в наши дни. В храмах жертвовались плоды и цветы — не потому что Бог Солнца желал таких приношений, но просто в знак того, что всем этим люди были обязаны ему, ибо одной из самых заметных

теорией в их вероисповедании была та, что весь свет, жизнь и сила приходят от Солнца — теория, вполне подтверждаемая открытиями современной науки. На их великих праздниках устраивались великолепные процессии, и жрецы обращались к народу с увещеваниями и наставлениями, но даже в этих проповедях самой заметной чертой была их простота, и учения давались в основном в образах и притчах.

Однажды, в ходе исследований жизни конкретного человека, мы проследовали за ним на одно из этих собраний, и слушали с ним проповедь, прочитанную по этому случаю старым седобородым жрецом. Несколько простых слов, сказанных им тогда, возможно, дадут лучшее представление об этой религии древнего мира, чем любое описание, которое можем предложить мы сами. Жрец, одетый в нечто вроде золотой ризы, которая была знаком его сана, встал на вершине ступеней храма и оглядел аудиторию. Затем он обратился к людям мягким, но звучным голосом, скорее как отец, рассказывающий детям историю, чем как оратор, выступающий с речью.

Он говорил им об их Господе, Солнце, призывая их помнить о том, что всё, что им нужно для их физического благосостояния, вызывается к существованию Солнцем, что без его великолепного света и тепла мир был бы холоден и мёртв, и жизнь была бы невозможна, и что именно благодаря ему растут плоды и зерно, составляющие основу их питания, и даже берётся свежая вода, самая драгоценная и необходимая для всех. Затем он объяснил им, что мудрецы древности учили, что за этим действием, которое могут видеть все, всегда есть другое, более великое действие, которое невидимо, но всё же ощущаемое теми, кто живёт в гармонии со своим Господом, и что подобно тому, что делает Солнце для их тел, в другом, и более удивительном аспекте, оно делает то же и для жизни их душ. Он указал на то, что оба этих действия совершенно непрерывны — и хотя Солнце иногда бывает скрыто от взора своих детей, причина этого временного затемнения обнаруживается в Земле, а не в Солнце, поскольку достаточно лишь забраться высоко в горы и подняться выше облаков, чтобы убедиться, что Господь всегда сияет во всей своей славе, совершенно не завися от той завесы, которая казалась нам столь плотной, будучи наблюдаема снизу.

Отсюда было легко перейти к теме подавленности духа или сомнений, которые, похоже, иногда отсекают высшие влияния, идущие от души, и проповедник самым решительным образом утверждал, что несмотря на видимость противного, эта аналогия хорошо соблюдается и здесь — облака всегда являются собственным порождением людей, и им нужно лишь достаточно высоко подняться, чтобы осознать, что Господь неизменен, и духовная сила и святость изливаются вниз всё время так же ровно, как и всегда. Потому депрессию и сомнение нужно отбросить как порождение неразумия и невежества; более того, их нужно осудить, как неблагодарность к Даятелю всего благого.

Вторая часть проповеди была столь же практичной. Пользу от деятельности Солнца, продолжал жрец, могут в полной мере испытать лишь те, кто и сам в совершенном здравии. Знаком совершенного здравия на всех уровнях будет подобие человека своему Господу, Солнцу. Человек, наслаждающийся полным физическим здоровьем — сам, как маленькое солнце, излучает силу и жизнь на всё окружающее, так что даже от самого его присутствия слабые становятся сильнее, а больные и страдающие получают помощь. Точно так же, указывал жрец, и человек, совершенно здоровый нравственно, является духовным солнцем, излучающим любовь, чистоту и святость, на тех, кому посчастливилось встретиться с ним. Таким образом, сказал он, долг человека — выразить благодарность за благие дары Господа, во-первых приготовив себя, чтобы принять их во всей полноте, а во вторых — передавая их без

уменьшения своим собратьям. И обе эти цели могут быть достигнуты одним, и только одним путём — постоянным следованием примеру доброй воли Духа Солнца, что является единственным путём, по которому его дети могут приблизиться к нему.

Такой была эта проповедь, прочитанная четырнадцать тысячелетий назад, и при всей её простоте мы не можем не признать, что это учение является по сути теософическим и демонстрирует большее знание фактов жизни, чем многие более красноречивые проповеди, которые читаются в наши дни. Повсюду в этой проповеди мы замечаем малые моменты особой значимости — например, точное знание об излучении излишней жизненности здоровым человеком указывает на владение способности ясновидения теми предшественниками, от которых происходила эта традиция.

Следует помнить, что помимо того, что можно назвать чисто религиозной деятельностью, в ведении жрецов полностью находилось образование всей страны. Всё образование было совершенно бесплатным, и его начальные стадии были совершенно одинаковыми для обоих полов. Дети шли в подготовительные классы с раннего возраста, и мальчики и девочки обучались совместно. Там давалось нечто соответствующее нынешнему начальному образованию, хотя охватываемые им предметы значительно отличались. Конечно же, там учили чтению, письму, и некоему подобию арифметики, и всякий ребёнок должен был легко писать, читать и считать, но в эту систему входило и многое другое, что несколько трудно классифицировать — набор базовых знаний об общих правилах и интересах жизни, так что дети обоих полов к десяти-одиннадцатилетнему возрасту уже не пребывали в невежестве относительно того, как обеспечиваются обычные потребности жизни и как выполняются любые обычные работы. В отношениях между учителями и детьми преобладали доброта и любовь, и не было ничего хотя бы отдалённо соответствующего безумной системе принуждения и наказаний, которая занимает столь заметное и губительное место в современной школе.

Учебное время было длительным, но занятия были столь разнообразными и включали в себя так много всего, что мы и не подумали бы отнести к школьным занятиям, что дети никогда не утомлялись зря. Например, каждого ребёнка учили, как приготовить некоторые простые блюда, как отличать ядовитые плоды от съедобных, как находить еду и укрытие, заблудившись в лесу, как пользоваться простейшими инструментами, применяемыми в столярном деле, строительстве и сельском хозяйстве, как находить путь по солнцу и звёздам, как управлять лодкой, плавать, взбираться в горы и прыгать с удивительной ловкостью. Их учили также методам оказания первой помощи при травмах и прочих несчастных случаях, и разъясняли назначение разных растительных лекарств. Весь этот замечательный и разнообразный курс вовсе не был чисто теоретическим — от детей постоянно требовали применять всё это на практике, так что прежде чем они заканчивали эту начальную школу, они должны были стать весьма умелыми молодыми людьми, способными в какой-то мере самостоятельно действовать почти в любой ситуации, в которой они могли оказаться.

Они также получали тщательные наставления касательно государственного устройства своей страны, и им объяснялся смысл разных обычаев и правил. С другой стороны, они оставались в полном неведении относительно многих вещей, которым учатся европейские дети — они не знали ни одного языка, кроме своего собственного, и хотя большой упор делался на чистоту речи и умение точно выражаться, это достигалось скорее постоянной практикой, чем соблюдением грамматических правил. Они совсем не знали алгебры, геометрии и истории, а из географии не знали ничего, кроме своей собственной страны. По окончании этой начальной

школы они могли бы построить удобный дом, но не могли бы нарисовать вам его чертёж; они ничего не знали из химии, но были основательно обучены принципам практической гигиены.

Прежде чем дети могли считаться окончившими эту начальную школу, они должны были достичь во всех этих предметах определённого стандарта, требуемого от добропорядочного гражданина. Большинство из них легко достигали этого уровня к двенадцатилетнему возрасту, некоторым менее способным требовалось ещё несколько лет. На главных учителях этих подготовительных школ лежала серьёзная ответственность за определение будущей карьеры учеников, а точнее — за совет по выбору её, поскольку никого из детей не заставляли посвятить себя той работе, которая ему не нравилась. Однако, какой-то определённый путь ребёнок должен был избрать, и сделав это, он определялся в нечто вроде техникума, который должен был подготовить его к выбранному им образу жизни. Здесь он проводил оставшиеся девять или десять лет своего ученичества в основном в практической работе, которой он решил посвятить свою энергию. Эта черта являлась самой заметной во всей системе обучения — там было сравнительно мало теоретического обучения, но мальчики и девочки, после того, как им что-нибудь несколько раз покажут, должны были сделать это сами, повторяя снова и снова, пока не достигали в этом лёгкости.

В этом плане была значительная доля гибкости — например, если ребёнок после особого теста оказывался негоден к избранной им работе, ему позволяли, посоветовавшись с учителями, избрать себе другое призвание и перейти в соответствующую школу. Однако такие переходы, похоже, были редки, поскольку в большинстве случаев после окончания начальной школы ребёнок выказывал явную годность к тому или иному направлению деятельности, открывавшемуся перед ним.

Каждый ребёнок, независимо от происхождения, обладал возможностью пройти соответствующую подготовку, чтобы стать членом правящего класса страны, если сам он того желал и его учителя не возражали. Но подготовка, позволяющая удостоиться этой чести, была столь суровой, а необходимые требования — столь высокими, что количество желающих никогда не было чрезмерно большим. В действительности наставники всегда присматривались к детям с необычайными способностями, чтобы попробовать подготовить их к этому почётному, но нелёгкому делу, если сами они выражали желание взяться за него.

Помимо чиновников и жрецов было множество профессий, которые мог выбрать себе ученик. Было много видов мастеров, и это давало большие возможности для разнообразного развития художественных способностей. Были разные направления работы по металлу, созданию и совершенствованию машин и всех видов архитектуры. Но, пожалуй, главным направлением в этой стране было научное земледелие.

От него в большой мере зависело благосостояние страны, и потому ему всегда уделялось много внимания. Путём долгого ряда терпеливых экспериментов, продолжавшихся много поколений, были точно выяснены плодородные свойства разных видов почв, так что к тому времени, которое мы описываем, сложилась уже обширная традиция по этому вопросу. Подробные отчёты обо всех опытах хранились в месте, которое мы бы теперь назвали архивом министерства сельского хозяйства, но общие их результаты для всеобщего пользования были сведены в набор кратких принципов, изложенных так, чтобы они легко запоминались студентами.

Однако те, кто избрал своей профессией сельское хозяйство, вовсе не должны были обязательно полагаться на мнения своих праотцов. Напротив, всячески поощрялись новые

эксперименты, и всякий, кому удавалось изобрести новое и полезное удобрение или экономящую труд машину, высоко почитался и награждался правительством. По всей стране было рассеяно множество государственных ферм, на которых тщательно обучалась молодёжь, и опять же, как и в начальных школах, обучение было менее теоретическим и более практическим — каждый студент основательно обучался, как самостоятельно выполнить каждую деталь работы, которой ему в будущем придётся руководить.

На этих учебных фермах и проводились все новые эксперименты, причём за счёт правительства. Изобретатель был свободен от хлопот по поиску спонсора, который финансировал бы испытания его изобретения, что в наши дни так часто бывает фатальным препятствием для успеха. Он просто представлял свою идею начальнику своей области, который при необходимости советовался с экспертами, и если они не могли указать на какое-то очевидное упущение в его рассуждениях, новый метод испробовался, или конструировалась его машина, что делалось под его надзором, но совершенно без всяких издержек и беспокойств с его стороны. Если опыт показывал, что в изобретении что-то есть, оно сразу же принималось правительством, и применялось повсюду, где могло быть полезным.

Фермеры были вооружены тщательно разработанными теориями применения разных видов удобрений к разным почвам. Они не только пользовались материалом, который мы для этих же целей и сейчас импортируем из этой самой страны, но и пробовали все виды химических соединений, некоторые из которых давали примечательный успех. У них была искусная, хотя и громоздкая, система утилизации сточных вод, которая, впрочем, была не менее эффективной, чем любая канализация, которой мы располагаем в наши дни.

Они достигли заметного прогресса в конструировании и применении машин, хотя большая часть их техники была проще и грубее нашей, и в ней не было ничего подобного той величайшей точности подгонки мельчайших деталей, которая столь характерна для современной механики. С другой стороны, хотя их машины были часто большими и громоздкими, они были эффективными, и по-всей видимости, вовсе не склонными к выходу из строя. Одним из примеров их техники, на который мы обратили внимание, была любопытная сеялка, основная часть которой была сделана по образцу яйцеклада какого-то насекомого. Она была устроена в виде очень широкой и низкой телеги, и когда её тянули по полю, она автоматически делала десять линий лунок на равных расстояниях, бросала в каждую зерно, поливала его и опять засыпала грунтом, выравнивая почву.

Они, очевидно, располагали и некоторым знанием гидравлики, поскольку многие их машины работали на гидравлическом принципе — особенно те, которые использовались в их тщательной системе орошения, которая была необычайно совершенной и эффективной. Значительная часть страны была холмистой и не могла с пользой обрабатываться в своём естественном состоянии, но её древние обитатели ввели террасное земледелие, во многом такое же, как применяется сейчас в гористой части Шри Ланки. Всякий, кому приходилось путешествовать по железной дороге из Рамбукканы в Перадению, не мог не заметить многочисленных примеров такой работы. В древнем Перу каждый клочок земли вблизи больших населённых центров использовался самым тщательным образом.

Они обладали множеством научных знаний, но вся их наука имела сугубо практический характер. У них не было никакого представления об абстрактном изучении науки, подобном нашему. Они тщательно изучали, например, ботанику, но вовсе не с нашей точки зрения. Их совершенно не заботила классификация растений на эндогенные и экзогенные, количество тычинок в цветке или расположение листьев на стебле. Что они хотели знать о растении — так

это его свойства и какое ему можно найти применение в медицине или для изготовления продуктов или красок. Это они знали, и очень основательно.

Такой же была и их химия: они не располагали знаниями о количестве и расположении атомов в молекуле углерода; на самом деле, у них вообще не было представления об атомах и молекулах, насколько мы могли видеть. То, что их интересовало — это те химикаты, которым можно найти применение — составить из них ценные удобрения, использовать на различных производствах, получая красивые краски или полезные кислоты. Все научные исследования проводились с какой-нибудь практической точки зрения; они всё время старались открыть что-нибудь, но всегда с определённой целью, связанной с жизнью человека, а не просто ради абстрактных знаний.

Возможно, ближе всего к абстрактной науке было их изучение астрономии, но её они считали скорее религиозным, чем просто светским знанием. От остальных наук она отличалась тем, что была чисто традиционной, и не делалось никаких попыток пополнить запас знаний в этом направлении. Запас этот был невелик, но достаточно точен в том, что он охватывал. Они понимали, что планеты отличаются от звёзд, и называли их "сёстрами Земли" — ибо знали, что Земля является одной из них, — иногда они называли планеты "старшими детьми Солнца". Они знали, что Земля круглая, и что день и ночь происходят от её вращения вокруг своей оси, а времена года — от её обращения вокруг Солнца. Также им было известно, что звёзды находятся вне Солнечной Системы, а кометы они считали посланцами от этих других великих существ к их Господу Солнцу, но вряд ли они имели какое-то адекватное представление о действительном размере любого из этих небесных тел.

Они могли предсказывать и солнечные, и лунные затмения с большой точностью, но это делалось не на основании наблюдений, а при помощи традиционной формулы; они понимали их природу и не придавали им большой важности. Имеются обильные свидетельства, показывающие, что те, от кого они унаследовали свои традиции, должны были либо вести непосредственные научные наблюдения, либо обладать способностями ясновидения, делающими эти наблюдения излишними; но перуанцы той эпохи, которую мы исследуем, не располагали ни одним из этих преимуществ. Единственной замеченной нами попыткой с их стороны сделать что-то вроде личных наблюдений было точное определение момента полудня путём тщательного измерения длины тени высокой колонны во дворе храма; чтобы точно её отметить, применялся набор маленьких колышков, передвигаемых по канавкам, вырезанным в камне. Этот же примитивный аппарат применялся для определения летнего и зимнего солнцестояний, поскольку с этими датами были связаны особые религиозные службы.

Архитектура этой древней расы во многих отношениях отличалась от любой нам известной, и её изучение предоставило бы огромный интерес для любого ясновидящего, обладающего техническим знанием этого предмета. Недостаток такого знания у нас самих делает для нас трудным точное описание подробностей, но мы надеемся передать хотя бы общее впечатление, которое с первого взгляда производит эта архитектура на современного наблюдателя.

Она была колоссальна, но не помпезна, и здания строились определённо для пользы и удобства, а не напоказ, во многих случаях являя свидетельства многих лет кропотливой работы. Многие здания были огромны, но большинство из них показались бы на современный взгляд несколько непропорциональными — почти всегда потолки были слишком низкими в сравнении с площадью комнат. Например, вполне обычным делом было обнаружить в доме губернатора несколько комнат размером с Вестминстерский Зал, и при этом высота потолков ни в одной из них не превышала 3 м. 75 см. Колонны не были неизвестны вообще, но

использовались редко, и там, где у нас применили бы изящную колоннаду, в древнем Перу обычно строили стену с частыми проёмами. Те же колонны, которые использовались, были массивными и часто монолитными.

Настоящая арка с венечным камнем была им, по всей видимости, неизвестна, хотя окна и дверные проёмы с полукруглым верхом вовсе не были редкостью. В самых больших из них иногда использовалась массивная металлическая дуга, упиравшаяся с двух сторон, но обычно они всецело полагались на мощный скрепляющий раствор, которым пользовались вместо цемента. Состав этого материала нам неизвестен, но он был несомненно эффективен. Они вырезали и подгоняли свои огромные каменные блоки с величайшей точностью, так что место соединения едва можно было заметить; затем они заплели внешнюю поверхность каждого соединения глиной и заливали между камнями свой горячий и жидкий "цемент". Как бы ни были малы щели между камнями, жидкость находила в них путь и наполняла их, и когда она застывала, она становилась твёрдой, как кремнь, который, впрочем, тогда и напоминала по внешнему виду. Тогда глину соскребали с поверхности, и стена была готова; и если через столетия в этой кладке появлялась трещина, она обязательно оказывалась в камне, а не в соединениях, поскольку они были крепче самого этого камня.

Большинство крестьянских домов были построены из того, что мы должны бы назвать кирпичами, поскольку делались они из глины, но "кирпичи" эти были большими кубами, достигавшими в размере почти метра. Глина не обжигалась, но смешивалась с особым химическим реагентом и оставлялась на открытом воздухе на несколько месяцев для затвердения, так что по виду и консистенции эти кубы скорее напоминали бетонные блоки, чем кирпичи, и построенный из них дом во всех отношениях почти не уступал каменному.

Все дома, даже самые маленькие, строились по классическому восточному плану с внутренним двориком, и у всех их стены были необычайной по нынешним понятиям толщины. Самый простой и бедный домик имел четыре комнаты, по одной с каждой из сторон дворика, на который они выходили, и поскольку у этих комнат обычно не было внешних окон, снаружи эти дома выглядели голо и угрюмо. В более бедных частях города или деревни делалось очень мало попыток внешнего украшения домов — однообразие глухих стен нарушалось лишь чем-то вроде фриза с очень простым узором.

Вход всегда был на углу квадрата, и в ранний период дверь была просто огромной каменной плитой, которая подобно подъёмным решёткам в древних замках или современным выдвижным оконным рамам, двигаясь по пазам, поднималась с помощью противовесов. Когда дверь была закрыта, противовесы могли быть помещены на полку или отсоединены, так что дверь становилась совершенно неподъёмной массой, которая определённо бы обескуражила вора-домушника, если бы такой человек действительно существовал в столь хорошо устроенном государстве. В домах высших классов эта дверная плита была искусно украшена резьбой, а в более поздний период часто заменялась толстой пластиной из металла. Принцип действия, однако, менялся лишь незначительно, хотя в немногочисленных случаях наблюдались тяжёлые металлические двери, поворачивавшиеся на осях.

Более крупные дома первоначально строились по тому же плану, хотя имели гораздо больше украшений — не только в виде резьбы по камню, но и в виде широких полос металла, которые разнообразили его поверхность. В таком климате столь основательно повторенные здания были почти вечными, и большинство домов, существовавших и использовавшихся в то время, которое мы описываем, были этого типа. Однако, некоторые более поздние — очевидно, построенные в те века, когда население убедилось в стабильности системы правления и

способности правительства обеспечить законность — имели два ряда комнат вокруг внутреннего двора, как бывает в современных домах, и один ряд комнат выходил во двор (который у них обычно был красиво устроенным садом), а другой смотрел наружу. В этих комнатах были большие окна, или скорее, проёмы, поскольку, хотя в стране производилось несколько типов стекла, его не использовали для окон, которые закрывались по тому же принципу, что и двери.

Хотя общий стиль архитектуры этих домов, и маленьких, и больших, был несколько суровым и однообразным, зато он прекрасно подходил к тамошнему климату. Крыши были в основном массивные и почти плоские, и делались либо из камня, либо из листов металла. Одной из самых примечательных черт их строений было почти полное отсутствие дерева, которого избегали из-за его горючести, и вследствие этой предосторожности большие пожары в древнем Перу были неизвестны.

Способ, которым возводились эти дома, был своеобразным. Строительных лесов не применялось, но по мере того, как дом возводился, он наполнялся землёй, так что когда стены поднимались до полной высоты, внутри была ровная земляная поверхность. На это всё клались камни крыши, и затем между ними, как обычно, заливался горячий цемент. Как только он застывал, землю выбирали, и крыша оказывалась в состоянии выдержать своей громадный вес, будучи, благодаря этому удивительному цементу, совершенно безопасной. На самом деле всё строение — и стены, и крыша, — когда было окончено, становилось во всех отношениях одним монолитным блоком, как если бы оно было вырезано из одной целой скалы, что, кстати, в некоторых горных местностях тоже применялось.

К некоторым столичным домам добавлялся второй этаж, но идея эта не пользовалась популярностью, и такие смелые нововведения были чрезвычайно редки. Нечто, напоминавшее многоэтажные дома, достигалось в любопытных зданиях, в которых размещались монахи или жрецы Солнца, но это устройство было таково, что не могло широко применяться в густонаселённом городе. Сначала делалась огромная квадратная земляная платформа 300 метров в ширину и 5—6 метров в высоту, а затем на ней делалась другая подобная платформа в 270 метров шириной, отступавшая от краёв предыдущей на 15 метров, на ней — последовательно платформы в 240 и 210 метров, и так они возвышались, постепенно уменьшаясь, пока не достигали на десятом уровне размера в 30 метров. В центре этой последней платформы строился небольшой храм Солнца.

В целом это производило эффект огромной плоской ступенчатой пирамиды. В вертикальной поверхности каждой из этих огромных платформ выкапывались кельи, в которых жили монахи и их гости. В каждой келье была внешняя и внутренняя комната, причём в последнюю свет проникал только из первой, которая была полностью открыта своей внешней стороной — фактически, у неё было только три стороны и потолок. Обе комнаты были облицованы и вымощены каменными плитами, скреплёнными обычным образом. На террасах были разбиты сады и проложены дорожки, так что в целом эти кельи были приятными местами обитания. В некоторых случаях для устройства таких террас использовалась естественная возвышенность, но большинство этих пирамид были насыпаны искусственно. Часто вовнутрь нижнего яруса вели туннели, и тем были устроены погреба для зерна и других надобностей.

В дополнение к этим примечательным уплощённым пирамидам существовали и обычные храмы Солнца, некоторые из которых были огромного размера и занимали большую площадь, хотя все они, на европейский взгляд, имели один общий недостаток — были несоразмерно низкими по отношению к своей ширине. Они всегда окружались приятными садами, под

деревьями которых в основном и проходило обучение, которым эти храмы столь заслуженно славились.

Внешний вид этих храмов иногда был менее внушительным, чем того можно было желать, но во всяком случае внутреннее их убранство более чем компенсировало все другие возможные недостатки. Значительное применение драгоценных металлов для украшения было чертой перуанской жизни и через тысячи лет спустя, когда горстка испанцев смогла покорить сравнительно выродившуюся расу, занявшую место тех, чьи обычаи мы пытаемся описать. В те времена, о которых мы пишем, обитатели Перу не были знакомы с нашим искусством позолоты, но были чрезвычайно искусны в ковке больших тонких пластин, и было вовсе нередкой вещью, когда храмы были буквально облицованы золотом и серебром. Пластины, покрывавшие стены, часто были толщиной более полусантиметра, и всё же они повторяли тонкий рельеф в камне, будто были с лист бумаги, так что с современной точки зрения храм часто был хранилищем несметных богатств.

Но раса, построившая эти храмы, вовсе не считала это богатством в нашем смысле слова, а лишь подходящим и годным украшением. Следует помнить, что применение подобных украшений вовсе не ограничивалось храмами — стены всех достаточно приличных домов были покрыты каким-нибудь металлом, подобно как наши бывают оклеены обоями, и голая каменная стена внутри дома была для них примерно тем же, чем для нас — просто побелённая; применение таких стен было практически ограничено хозяйственными постройками или домами крестьянства. Но чистым золотом, как храмы, были отделаны только дворцы царя и генерал-губернаторов, для простого же народа делались все виды красивых и полезных сплавов, и богатый эффект достигался сравнительно низкой ценой.

Думая об их архитектуре, мы не должны забывать цепь крепостей, воздвигнутых царём на границах империи, чтобы сдерживать жившие за её границами варварские племена. Для точного их описания и оценки, которая хоть чего-нибудь стоила бы, нам потребовались бы услуги эксперта, но даже совершенно гражданский человек мог видеть, что во многих случаях расположение этих фортов было прекрасно выбрано, и при отсутствии у наступающих артиллерии они должны были быть практически неприступными. Высота и толщина их стен была в некоторых случаях необычайной, и у них была та особенность (как впрочем и у всех высоких стен в стране), что они постепенно утончались с толщины нескольких метров у основания до более обычной толщины на высоте 7 или 10 метров. В этих замечательных стенах были проделаны тайные проходы и наблюдательные камеры, а внутри крепость была так устроена и снабжена провизией, что её гарнизон мог выдерживать длительную осаду без особого неудобства. Особенно наблюдатели были поражены искусным устройством серии вложенных ворот, соединённых узкими и извилистыми проходами, оставлявших войска, штурмующие крепость, полностью на милость обороняющихся.

Но самой удивительной работой этого странного народа были без сомнения их дороги, мосты и акведуки. Эти дороги тянулись по стране на сотни километров (а некоторые — более чем на тысячу), невзирая на все трудности рельефа, что вызвало бы восхищение самых смелых современных инженеров. Всё делалось в колоссальных масштабах, и хотя в некоторых случаях количество требовавшегося труда было почти неисчислимым, результаты были великолепными и долговечными. Вся дорога была вымощена плоскими каменными плитами, во многом так же, как тротуары наших лондонских улиц; с каждой стороны на всём её протяжении были высажены деревья, дававшие тень, и цветущие кустарники, наполнявшие воздух благоуханием, так что страна была пересечена сетью великолепных мощёных бульваров,

по которым ежедневно туда и сюда спешили гонцы царя. Эти люди были также и почтальонами, поскольку в их обязанности входило бесплатно доставлять письма любого, пожелавшего их послать.

Терпеливый гений и неукротимое упорство этого народа особенно были видны там, где строителям дороги приходилось преодолеть ущелье или реку. Как мы уже говорили, принцип настоящей арки был этому народу неизвестен, и самым большим приближением к нему в мостостроении была укладка камней по такому принципу, чтобы каждый следующий камень немного выдавался над предыдущим, пока две опоры моста наконец не соединялись; а их удивительный цемент скреплял всё строение до прочности монолита. Они ничего не знали и об изолирующих дамбах и кессонах, так что часто им приходилось проводить огромную работу по отводу реки в другое русло на время, пока строился мост, или, в других случаях, они строили своеобразный волнорез, выдававшийся до того места, где нужно было установить опору, а затем, по завершении работы над ней, разрушавшийся. По причине этих трудностей там, где это было возможно, они предпочитали строительству мостов насыпку дамб, и часто вели дорогу и акведук через ущелье, по которому протекала достаточно большая река, с помощью огромной дамбы с многочисленными трубами в ней, вместо постройки обычного моста.

Их система орошения была удивительно совершенной, и в значительной мере она поддерживалась даже сменившим их народом, так что большая часть страны, снова превратившаяся сейчас в пустыню, была зелёной и плодородной, пока не попала в руки ещё более некомпетентных испанских завоевателей. Возможно, не было в мире более масштабных инженерных подвигов, чем создание дорог и акведуков в древнем Перу. И всё это делалось не принудительным трудом рабов или пленников, а получавшими регулярную плату крестьянами, которым в значительной мере помогала армия.

Царь держал многочисленную армию, чтобы всегда быть в состоянии бороться с пограничными племенами, но поскольку вооружение этой армии было очень простым и обучения требовалось совсем немного, большую часть времени солдаты были доступны для привлечения к разного рода общественным работам. В их руках полностью были все ремонтные работы, связанные с общественными сооружениями, и также они поддерживали постоянный поток гонцов-почтальонов, доставлявших отчёты и депеши, равно как и личную корреспонденцию по всей империи. Армия хорошо справлялась с поддержанием всей существующей инфраструктуры, но когда должна была быть построена новая дорога или крепость, обычно нанималась дополнительная рабочая сила.

Конечно, иногда случалась война с менее цивилизованными племенами, жившими на границах, но в то время, о котором мы пишем, они редко причиняли серьёзное беспокойство. Их легко отбивали и налагали на них дань, или, если представлялось, что они могут воспринять более высокую цивилизацию, их страна присоединялась к империи и подпадала по её законы. Естественно, поначалу с такими новыми гражданами были некоторые трудности — они не понимали новых обычаев и не видели причин, почему нужно следовать им, но через некоторое время большинство из них легко входило колею, а те, кто оказывались неисправимыми, высылались в другие страны, ещё не поглощённые империей.

В ведении войны эти перуанцы были достаточно гуманны, и поскольку в войне с дикими племенами они почти всегда оказывались победителями, это было для них сравнительно легко. У них было высказывание: "Ты никогда не должен быть жесток к своему врагу, потому что завтра он будет твоим другом". Покоряя окружающие племена, они всегда старались сделать это с наименьшим кровопролитием, чтобы эти народы охотно входили в империю и могли давать

хороших граждан, испытывающих братские чувства к своим завоевателям.

Их основным оружием были копья, мечи и луки; также они давали значительное применение боласам, орудию, которое до сих пор применяется южноамериканскими индейцами. Оно состоит из двух каменных или металлических шаров, соединённых верёвкой, и бросается так, чтобы запутать ноги человека или коня и повалить его на землю. Защищая крепость, они всегда скатывали на нападающих большие камни, и сооружения были специально так устроены, чтобы это удобно было делать. Применявшийся меч был коротким, больше похожим на мачете, и использовался только когда было сломано или потеряно копьё. Обычно они деморализовывали врага непрерывным потоком стрел, и пока он не успевал опомниться, нападали на него с копьями.

Оружие было сделано хорошо, потому что перуанцы превосходно владели искусством работы по металлу. Они использовали железо, но не знали, как сделать из него сталь, и потому оно для них было менее ценным, чем медь и различные латуни и бронзы, которые они могли делать чрезвычайно твёрдыми, сплавляя их с разновидностью своего примечательного цемента, тогда как железо не могло сплавляться с ним столь совершенно. Процесс упрочнения давал замечательные результаты, и даже медь, будучи подвергнута ему, могла быть выкована так же тонко и быть при этом такой же острой, как наша лучшая сталь, и нет сомнений, что некоторые из их сплавов были твёрже любого металла, который мы в состоянии изготовить сейчас.

Возможно, самой красивой чертой их работы по металлу была её чрезвычайная тонкость. Некоторые из их гравировок были просто удивительны — узор был почти неразличим невооружённым глазом, во всяком случае, глазом современного человека. Лучшее всего была удивительная работа, подобная филиграни, в которой они так преуспели — невозможно понять, как им удавалось выполнить её без увеличительного стекла. Большая её часть была столь неопишимо утончённой, что её нельзя было чистить любым обычным способом. При попытке тереть или чистить её, как бы осторожно это ни делалось, она была бы сразу испорчена; так что когда это было необходимо, её приходилось чистить чем-то вроде выдувной трубки.

Другим производством, ставшим особенностью этой цивилизации, было гончарное дело. Они придумали, как, смешивая глину с особым химикатом, придавать ей красивый розовый цвет, и инкрустировали её серебром и золотом так, что достигался эффект, не виданный нами где-либо ещё. Здесь нас опять восхитила чрезвычайная тонкость линий. Достигались также и другие прекрасные цвета, а одна из модификаций оказывавшегося повсюду полезным кремнёвого цемента, будучи смешана с приготовленной глиной, делала её прозрачной почти как наше лучшее стекло. Огромным преимуществом такого стекла было то, что оно было значительно менее хрупким, чем современное — оно почти что напоминало "ковкое стекло", о котором иногда приходится читать как о средневековой выдумке. Они несомненно владели искусством изготовления определённого вида тонкого фарфора, который мог гнуться, не разбиваясь, о чём пойдёт речь, когда мы перейдём к их литературным достижениям.

Поскольку у этой нации не в обычае было использование дерева, металлическое и гончарное производство в значительной мере его заменяли, причём с большим успехом, чем нам бы показалось возможным в наши дни. Несомненно, что древние перуанцы, в своих постоянных химических исследованиях, открыли некоторые процессы, которые до сих пор остаются тайной для наших производителей, но со временем они будут вновь открыты и нашей пятой расой, и когда это случится, настоятельные потребности и конкуренция нашего времени приведут к применению их в областях, о которых в древнем Перу и не мечтали.

Искусство живописи практиковалось там в значительной мере, и всякому ребёнку, показавшему особую склонность, помогали развить свой талант до предела. Однако, методы, принятые там, совершенно отличались от наших собственных, и их специфика необычайно увеличивала трудности обучения. В качестве поверхности не использовалось ни бумаги, ни холста, ни деревянных досок, но вместо этого применялись листы особого материала на основе кремния. Его точный состав оказалось трудно выяснить, но у него была нежная кремовая поверхность, напоминающая тонкий и ещё не покрытый глазурью фарфор. Он не был ломким, но мог сгибаться, как лист фольги, а толщина, в соответствии с размером, варьировалась от толщины плотной бумаги до толстого картона.

На эту поверхность краски большой яркости и чистоты наносили кистью, предоставленной самой природой. Это был просто кусок, отрезанный от треугольного в сечении стебля какого-то распространённого там волокнистого растения. У этого куса последние два сантиметра или чуть больше толкли, пока не оставались только волокна, тонкие, как волос, но почти такие же жёсткие, как проволока; и так получалась кисточка, тогда как остальная часть служила ей ручкой. Такую кисть, конечно же, можно было снова и снова обновлять по мере износа, подобно тому, как мы чиним карандаш. Художник просто отрезал износившиеся волокна и размягчал следующий отрезок ручки. Острое треугольное сечение этого инструмента позволяло умелому художнику использовать его и для тонких линий, и для широких мазков, используя в первом случае угол, а во втором — сторону треугольника.

Краски были обычно в виде порошка, и по мере надобности разводились, но не маслом и не водой, а каким-то особым составом, который моментально высыхал, так что раз нанесённый мазок уже более не мог быть изменён. Никаких эскизов не делалось — художник должен был научиться работать верными и быстрыми мазками, добиваясь нужного цвета и нужной формы одним исчерпывающим усилием, во многом так же, как это делается при создании фресок или в некоторых японских техниках. Эти краски были чрезвычайно эффектными и яркими, и некоторые из них превосходили по чистоте и тонкости цвета любые, применяемые сейчас. Например, была удивительная голубая краска чище любого ультрамарина, а также розовая и фиолетовая краски, непохожие ни на один современный пигмент, при помощи которых великолепие закатного неба воспроизводилось гораздо точнее, чем представляется возможным в наши дни. Украшения из золота, серебра, бронзы и металла, имевшего глубокую малиновую окраску и неизвестного сейчас науке, изображались на картине при помощи порошка из самих этих металлов, во многом как на средневековых миниатюрах. И каким бы эксцентричным не казался этот метод на современный взгляд, нельзя отрицать, что он производил эффект варварского богатства, по-своему чрезвычайно поразительный.

Перспектива выдерживалась хорошо, рисунки были точны и совершенно свободны от грубоватой неуклюжести, характерной для позднего периода центрально- и южноамериканского искусства. И хотя их пейзажное искусство было определённо хорошо, в то время, которое мы изучали, оно не было самоцелью, а использовалось лишь как фон для человеческих фигур. В качестве темы часто выбирались религиозные процессии, а иногда сцены, где заметную роль играл царь или местный губернатор.

Когда картина была окончена (а опытными художниками это делалось с замечательной быстротой), она покрывалась каким-то лаком, который обладал свойством высыхать почти моментально. Картина, обработанная им, становилась практически несмываемой и могла быть на долгое время выставлена под дождь или на солнце без всякого заметного ущерба для неё.

Близко связана с искусством этой страны была и её литература, поскольку книги писались, или скорее, рисовались на том же материале и такими же красками, что и картины. Книга состояла из набора тонких листов, обычно форматом 45 на 15 сантиметров, и иногда скреплялись проволокой, но гораздо чаще их просто хранили в ящичках от 7 до 13 сантиметров глубиной. Эти ящички делались из разных материалов, и более или менее богато украшались, но чаще всего они были из металла, напоминающего платину, и отделявались резным рогом, который каким-то образом прикреплялся к металлической поверхности путём размягчения, что позволяло ему держаться без помощи клея или заклёпок.

Насколько мы могли видеть, ничего подобного книгопечатанию известно не было; наибольшим приближением к нему было применение трафарета для размножения копий официальных циркуляров, чтобы доставить их всем губернаторам империи. Однако, мы не наблюдали ни одного примера попыток применить этот метод для размножения какой-либо книги. Очевидно, такой эксперимент был бы сочтён святотатством, поскольку вся нация глубоко чтит книги и относилась к ним так же, как средневековые монахи. Изготовление копии книги считалось определённо заслугой, и многие книги были переписаны очень красиво и с большим искусством.

Разнообразие их литературы было несколько ограниченным. Было несколько трактатов, которые можно было бы определённо классифицировать как религиозные, или во всяком случае, этические, и в основном направление их было подобно той проповеди старого жреца, краткое изложение которой было приведено нами выше. Два или три из них имели даже определённо мистическую склонность, но они читались и распространялись меньше, чем те, которые считались более непосредственно применимыми к практике. Наиболее интересная из этих мистических книг столь близко напоминала китайский "Канон чистоты", что вряд ли можно сомневаться в том, что они представляют собой варианты того же текста, лишь незначительно расходящиеся.

Большую же часть их литературы можно было грубо разделить на две группы — содержащую научные сведения и истории с моралью. Существовали трактаты или руководства по всякому производству, ремеслу или искусству, применявшемуся в стране, и они имели характер официальных справочников — обычно они не были сочинением конкретного человека, но скорее являлись записью всех знаний по тому или иному предмету, существовавших на момент их написания. По мере новых открытий или при пересмотре старых взглядов к ним постоянно выпускались приложения, и всякий, у кого имелся экземпляр, вносил в него поправки в соответствии с ними, будто это был его религиозный долг. Поскольку распространение такой информации входило в обязанности губернаторов, они обеспечивали её распространение среди всех, кого она могла интересовать, и перуанское руководство по любой теме было настоящим компендиумом всех полезных знаний, её касающихся, и давало студенту в сжатой форме весь опыт его предшественников в этом направлении.

Истории же почти все принадлежали к одному общему типу, и как я уже сказал, всегда были поучительными. Главный герой неизменно был царём, губернатором или чиновником, и в рассказе говорилось, как они справлялись с различными ситуациями, с которым им приходилось сталкиваться в ходе их работы, будь это успешно или нет. Многие из этих историй были классическими и вошли в поговорку, подобно библейским историям в Европе, и постоянно упоминались и цитировались как примеры того, как надо или не надо было поступать. Таким образом, почти в любой мыслимой затруднительной ситуации человек уже знал некий прецедент, которым мог руководствоваться. Были ли все эти рассказы

достоверными, или часть их была вымышленной — нельзя быть уверенным, но несомненно, что там они признавались как правдивые.

Если сцена такого рассказа разыгрывалась на границе провинции, то нередко в сюжет входило множество захватывающих приключений, но (к счастью для наших друзей перуанцев) утомительное бремя и пугало для современного читателя, любовные романы, среди них не встречались. Многие ситуации, возникавшие в рассказах, были не лишены юмора — народ был радостным и любил смех, но специальной юмористической литературы у них не было. Другим, и ещё более достойным сожаления пробелом было полное отсутствие поэзии как таковой. Некоторые максимы и выражения, сложенные так, чтобы их можно было читать звучно и размеренно, были широко известны и постоянно цитировались, подобно некоторым стихотворным строфам у нас, но какими бы поэтическими ни были некоторые из этих идей, в их форме не было ничего определённо ритмического. В некоторых из этих коротких сентенций, который давались детям для запоминания, прибегали к помощи аллитерации, а на религиозных службах некоторые фразы распевались под музыку, но даже они приспособлялись к пению точно так же, как у нас приспособливают псалмы к григорианскому тону, на который они расппеваются, а не писались специально на определённую музыку, как наши гимны.

Это подводит нас к рассмотрению музыки древних перуанцев. У них было несколько видов музыкальных инструментов, среди которых мы заметили трубу и разновидность арфы, из которых извлекались дикие, отрывистые, но приятные мелодии, напоминающие звук эоловой арфы. Но главный и самый популярный их инструмент был вроде фисгармонии. Звук создавался с помощью вибрации металлических язычков, но воздух подавался в инструмент не с помощью ног, а искусным механическим устройством. Вместо клавишей, подобных нашим, были верхушки группы маленьких металлических колонн, на которые и нажимал пальцами музыкант, так что игра на таком инструменте с виду напоминала печатание на машинке.

На этом инструменте достигалась значительная сила и красота выражения, но древнеперуанская гамма была такой же, как и в Атлантиде, и столь радикально отличалась от нашей, что нам почти невозможно верно оценить производимый этой музыкой эффект. Насколько мы могли видеть, этот народ не знал такой вещи, как музыкальные пьесы, которые бы записывались нотами и затем многократно исполнялись — каждый исполнитель импровизировал сам, и музыкальным искусством считалась не умение интерпретировать, а способность к сочинению и импровизации.

Скульптура тоже была искусством, вполне хорошо развитым, хотя их стиль можно было бы скорее назвать смелым и эффектным, чем изящным. Почти все статуи были огромных размеров, и некоторые из них были просто колоссальными, но глазу, привыкшему к греческому искусству, в массивной силе древнеперуанской скульптуры виделся какой-то грубоватый налёт. Тонкая работа, однако, выполнялась барельефом, который почти всегда покрывался металлом, поскольку талант этого народа особенно был развит в направлении работы по металлу, где постоянно создавались самые утончённые украшения.

В повседневной жизни этой нации, в её манерах и обычаях, были некоторые моменты, сразу привлёкшие наше внимание как необычные и интересные. Например, их брачные обычаи были особенными, поскольку браки заключались только в один день в году. Согласно общественному мнению, в браке должен был состоять каждый, если у него не было уважительных причин поступить иначе, но ничего такого, что можно было бы считать принуждением, здесь не было. Браки несовершеннолетних были запрещены, но как только молодые люди достигали совершеннолетия, они были вольны выбрать себе партнёров из своей среды. Однако, свадьба

не могла состояться до того дня, когда губернатор области или города наносил формальный визит, и все молодые люди, достигшие брачного возраста за предыдущий год, не вызывались к нему, где им официально сообщалось, что теперь они могут вступить в брак. Некоторые из них уже делали к тому времени свой выбор и тут же не упускали случая воспользоваться возможностью, обращаясь с прошением к губернатору, который, задав им несколько вопросов, совершал простое оформление и объявлял их мужем и женой. Он также давал указание выделить землю согласно новым обстоятельствам, так как новобрачные уже не считались членами семей своих отцов, а были самостоятельными и полноценными домохозяевами. Потому женатый мужчина получал в два раза больше земли, чем холостой, но даже в этом случае её обработка редко требовала чрезмерного труда.

Была замечена одна особенность, связанная с основной пищей нации. Конечно же, люди употребляли различные виды пищи, как и сейчас. Мы не знаем, было ли запрещено мясо, но его точно не ели в исследованный нами период. Выращивался картофель и ямс, также в рацион в различных сочетаниях входили кукуруза, рис и молоко. Однако, у них был один любопытный искусственный вид пищи, который можно было бы назвать их хлебом, поскольку он занимал то основное место, которое хлеб занимает у нас. В основе его была кукурузная мука, но с ней смешивались разные химические добавки, и всё это подвергалось огромному давлению, так что в результате получались твёрдые и концентрированные хлебцы. Компоненты были тщательно подобраны, чтобы в минимальном объёме содержалось всё необходимое для совершенного питания, и эксперимент этот был столь успешен, что маленького кусочка такого хлебца было достаточно на целый день, и человек мог без малейшего неудобства нести с собой запас провизии для длительного путешествия.

Самый простой метод употребления этой пищи был медленно сосать её, как конфету, но если время позволяло, её можно было сварить или приготовить различными способами, при которых она всегда значительно разбухала в объёме. Сама по себе она вряд ли обладала каким-то вкусом, но обычно ей придавали тот или иной вкус в процессе производства, и этот вкус указывался различными цветами. Например, у розовых хлебцев был вкус граната, а голубых — ванили, у жёлтых — апельсина, у полосатого бело-розового — гуавы и так далее, так что каждый мог найти что-нибудь себе по вкусу.

Эти любопытные сжатые конфеты были основным продуктом в стране, и множество людей не питались практически ничем другим, даже если у них был выбор многих других блюд. Они производились в таких огромных количествах, что были чрезвычайно дешёвы и доступны всем, и для занятых людей обладали многими очевидными преимуществами. Там выращивалось много фруктов, и люди, любившие их, ели их вместе с этими хлебцами, но делали это скорее для вкуса, а не по необходимости.

Весь этот народ любил разнообразных домашних животных, и с веками были выведены самые необычайные их породы. Наиболее частыми любимцами были кошки и маленькие обезьянки, и было много их причудливых разновидностей, отошедших от первоначального вида настолько же, насколько отошли от обычной собаки наши современные таксы. Что касается кошек, то особенно там специализировались на породах разных необычных цветов, и им удалось вывести даже кошку такого цвета, который вообще не встречается у четвероногих — ярковыраженного голубого!

Многие любили и птиц, что вполне ожидаемо на континенте, где встречаются столь великолепно окрашенные образцы, и в действительности вовсе не исключено, что существованием некоторых красивых разновидностей птиц, ныне населяющих леса Амазонии,

мы обязаны их заботе. Некоторые из более богатых женщин имели во дворах огромные вольеры для птиц, сделанные из золотой проволоки, и всё свое свободное время посвящали попыткам развить разум и привязанность у своих питомцев.

Национальная одежда была простой и её было немного — просто свободное ниспадающее одеяние, не лишённое сходства с некоторыми из тех, что носят сейчас на Востоке, с той разницей, что древние перуанцы носили меньше белого и были больше привержены к цвету, чем средний индеец наших дней. Перуанская праздничная толпа была чрезвычайно ярким зрелищем, с которым в наши дни сможет сравниться разве что толпа бирманцев. Женщины, как правило, демонстрировали склонность к голубым одеяниям, и платье, довольно часто изображавшееся средневековыми художниками на Деве Марии, было в то время, о котором мы пишем, одним из самых распространённых. Материалом обычно был хлопок, хотя иногда использовался тонкий сорт шерсти ламы и вигони. Очень прочная разновидность ткани выделялась также из волокон американской агавы, которые проходили какую-то химическую обработку, чтобы стать годными для такого применения.

Нация легко применяла чисто механические методы быстрого счёта, столь характерные для расы атлантов. Они использовали абак (счёты), близко напоминающий применяемый теперь с такой же ловкостью японцами; также они изготавливали ему более дешёвую замену из бахромы верёвок с узелками, что, вероятно, было первоначальным вариантом *кину*, увиденного испанцами в применении в этой стране тысячи лет спустя.

При изучении древней цивилизации подобной этой, обнаруживаются столь многие интересные моменты, как сходные, так и контрастирующие с современной жизнью, что трудно принять решение скорее что опустить, чем то, о чём рассказать в своём отчёте. Мы не можем передать нашим читателям то чувство живой реальности, которое испытали видевшие всё это, но надеемся, что хотя бы для немногих наша попытка оживить на краткий миг это давно ушедшее прошлое оказалась не совсем безуспешной. Ведь нужно помнить, что это мы сами — многие из нас, живущих сейчас и работающих в Теософическом Обществе — жили в то самое время среди обитателей древнего Перу, и многие наши любимые друзья тоже были нашими друзьями и родственниками в эти отдалённые времена, так что память обо всём том, что мы старались описать, должна в спящем виде сохраняться глубоко в каузальных телах многих наших читателей, и вовсе не невозможно, что у некоторых из них эта память может быть постепенно оживлена путём спокойного размышления над нашим описанием. И если кто-то достигнет в этом успеха, он осознает, как любопытно и интересно оглянуться в те давно забытые жизни и увидеть, что мы смогли приобрести с тех пор, и чего нам приобрести не удалось.

На первый взгляд может показаться, что с тех пор во многих отношениях был сделан регресс, а не прогресс. Физическая жизнь со всей её обстановкой была устроена там несомненно лучше, чем когда-либо позже, насколько нам известно. Правящему классу предоставлялись, пожалуй, непревзойдённые возможности для бескорыстного труда и исполнения своего долга, хотя надо признать, что менее интеллигентным классам там не требовалось никаких умственных усилий, хотя если таковые и проявлялись, вознаграждались они щедро.

Несомненно, состояние общественного мнения применительно к исполнению долга сейчас не так высоко и не так сильно, каким оно было тогда. Но, по правде, такое сравнение вряд ли можно назвать честным. Мы — ещё сравнительно молодая раса, тогда как та, которую мы исследовали, была одним из самых великолепных отростков расы, давно миновавшей свой расцвет. Сейчас, по причине нашего невежества, мы проходим через период испытаний, бурь и

стресса, но со временем, когда мы разовьём немного здравого смысла, из всего этого мы перейдём в период покоя и успеха, и когда для нас наступит это время, то благодаря закону эволюции мы достигнем даже более высокого уровня, чем они.

Мы должны помнить, что какой бы прекрасной ни была их религия, у них, насколько нам известно, не было ничего, что можно было бы на самом деле назвать оккультизмом, и они не обладали таким пониманием великой схемы развития вселенной, как мы, располагающие привилегией изучать теософию. Когда наша пятая коренная раса достигнет той же стадии своей жизни, мы непременно можем надеяться на то, что совместим такие же хорошие физические условия, как у них, с истинным философским учением и более высоким интеллектуальным и духовным развитием, чем было для нас возможно, когда мы составляли часть этого великолепного остатка цивилизации атлантов четырнадцать тысяч лет назад.

Цивилизация Атлантиды

Хороший отчёт об этой цивилизации можно прочитать в "Истории Атлантиды". Авторы данной книги были среди сотрудников, собиравших материал, который был в ней столь удачно представлен и расположен, так что тема эта нам хорошо знакома.

Атланты своими подрасами населяли множество стран и построили много великолепных цивилизаций. Их знали Египет, Месопотамия, Индия, Северная и Южная Америка, и воздвигнутые ими империи сохранялись долгое время, достигнув такой славы, которой арийская раса пока что не смогла превзойти. Главы данной работы о Перу и Халдее показывают остатки их величия, и к ним можно добавить некоторые дополнительные подробности.

М-р Скотт Эллиот так описывает знаменитый город Золотых Врат: "Великолепная лесистая местность, подобная парку, окружала город. Виллы представителей более богатого класса были разбросаны вокруг на обширном пространстве. На западе простиралась горная цепь, откуда в город поступала вода. Сам город был выстроен на склонах холма, который возвышался на 150 метров над равниной. На вершине этого холма находился дворец императора, окруженный садами, посреди которых бил ключом никогда не иссякающий родник воды, снабжая ею прежде всего дворец и другие фонтаны в саду, а затем, разделившись на четыре части, этот родник протекал по четырем различным направлениям и падал каскадом в нечто вроде канала или рва, окружавшего территорию дворца, отделяя таким образом его от города, простиравшегося внизу со всех сторон. Четыре канала, которые выходили из этого рва, отводили воду в четыре квартала города, образуя каскады, снабжающие в свою очередь водой следующий окружной канал, расположенный уровнем ниже. Было три таких канала, расположенных концентрическими кругами, причём внешний и самый нижний всё же лежал выше уровня равнины. Четвёртый канал, находившийся на этом низшем уровне, был прямоугольной формы, принимал постоянно стекающие воды и выносил их в море. Город занимал часть равнины до края этого большого наружного канала, окружавшего и защищавшего его прямоугольной водной преградой, простиравшейся в одном направлении на двенадцать, а в другом — на десять миль.

Таким образом можно видеть, что город был разделён на три больших пояса, окружавшихся каналами. Характерной чертой верхнего пояса, который следовал сразу же за дворцовой территорией, было круглое поле для скачек и огромные публичные сады. Большинство домов

придворных сановников находились в этом же кругу; там же было и учреждение, которому нет аналогии в наши времена. Термин "странноприимный дом" внушает нам представление о бедном здании в убогих окрестностях, но в Атлантиде это был настоящий дворец, где все посещающие город иностранцы получали гостеприимство так долго, как это им нравилось — к ним относились, как к гостям правительства. Отдельные частные дома и разбросанные по городу различные храмы занимали два других пояса. Во времена величия толтеков, настоящей бедности, похоже, не существовало — даже свита рабов, прислуживавших в большинстве домов, была хорошо накормлена и одета. Однако же были конечно сравнительно бедные жилища, они находились в нижнем круге, на севере от города, равно как и за последним каналом, в сторону моря. Большинство жителей этой части города были связаны с мореходством, и их дома, хотя и не были скучены, но всё же стояли друг к другу ближе, чем в остальных кругах."

Другие большие города, построенные на равнинах, были защищены огромными земляными валами, пологими в сторону города, и иногда спускающимися к нему террасами, тогда как внешняя крутая сторона была облицована склёпанными между собой толстыми металлическими пластинами, которые поддерживались деревянными балками. Столбы вкапывались глубоко в землю и соединялись тяжёлыми поперечными балками; к ним и крепились пластины, перекрываясь подобно чешуйкам. Затем пространство между валом и этим барьером также засыпалось землёй, плотно утрамбовывавшейся. Всё это образовывало практически неприступный барьер против копий, мечей и стрел, которые были обычным оружием того времени. Но такой город неизбежно оказывался открыт для нападений с воздуха, а атланты довели изготовление воздушных кораблей, или, как бы мы назвали их, самолётов, до высокой степени совершенства. И если нужно было атаковать такой город, то туда посылались эти птицы войны, сбрасывавшие на него бомбы, взрывавшиеся в воздухе и обрушивавшие дождь тяжёлого ядовитого пара, смертельно опасного. Намёки на это можно найти в описаниях столкновений, описанных в великих эпосах индусов и Пуранах. У них также было оружие, исторгавшее снопы стрел с огненными наконечниками, которые разлетались повсюду, проносясь по воздуху, как смертоносные ракеты, и много другого подобного оружия, сконструированного людьми, весьма сведущими в сложнейших областях научных знаний. Многие из них тоже описаны в упомянутых древних книгах как дары того или иного высшего существа. Знания, необходимые для их создания, никогда не делались общим достоянием.

Земельная система толтеков описана нами в главе о Перу, и отсутствие бедности и всеобщее благосостояние народа достигалось в основном благодаря всеобщему начальному образованию. Вся система правления была разработана мудрыми на благо всех, а не только для выгоды избранных классов. Потому общий комфорт был несравнимо выше, чем современных цивилизациях.

Наука продвинулась далеко, ведь благодаря тому, что применение ясновидения было обычным делом, природные процессы, теперь невидимые для большинства, могли легко наблюдаться. Её применение к искусствам и ремёслам также было широким и полезным. Солнечные лучи, пропущенные через цветные стёкла, применялись для улучшения роста растений и животных,* тщательно проводилось научное совершенствование многообещающих видов. Проводились и эксперименты по скрещиванию пшеницы с различными травами для получения разных видов зерна. Менее удовлетворительными были другие попытки, в результате которых из пчёл получились осы, а из муравьёв — термиты.** Банан без семян был получен из предшественника, подобного дыне, который, как и она, имел в себе большое количество семян. Науке того времени были известны силы, знание которых теперь утеряно. Одна из них

использовалась для передвижения как воздушных, так и водных судов, а другая позволяла так изменить взаимодействие тяжёлых тел и Земли, что вместо того, чтобы притягиваться, они отталкивались, что делало подъём гигантских камней на большую высоту весьма лёгким делом. Более тонкими из этих сил управляли не при помощи технических устройств, а силой воли, используя досконально понятый и развитый механизм человеческого тела, "тысячеструнную вину".

* Этот эффект в XIX веке был повторно открыт в Америке и описан Э. Бэббитом в книге "Принципы света и цвета" — прим. пер.

** Пшеница, пчёлы и муравьи были принесены с Венеры Владыками Пламени, и их скрещивание с видами, уже существовавшими на Земле, дало упомянутые результаты. Природные духи, в ведении которых были некоторые отделы животной и растительной эволюции, тоже со своей стороны пытались имитировать с помощью чисто земных ресурсов, имеющихся в их распоряжении, эти нововведения, занесённые с другой планеты. Их попытки, которые были успешными лишь отчасти, ответственны за некоторые из самых неприятных вышеупомянутых результатов. — Прим. авт. (Конечно же, принесены были не физические виды, а те линии эволюции, для которых на Земле были образованы соответствующие тела — прим. пер).

Металлы использовались широко и их обработка была достойна восхищения. Для украшения и изготовления домашней утвари больше всего использовались золото, серебро и орихалк. Гораздо чаще они получались алхимически, чем добывались в недрах Земли, и очень часто с большим искусством вводились в схемы украшения, добавляя богатство к их ярким цветам. Оружие богато инкрустировалось ими, и то, которое использовалось только для шествий и церемоний, часто целиком делалось из драгоценных металлов. Золотые шлемы, доспехи и наголенники надевались по таким случаям поверх туник и чулок самых ярких цветов — алого, оранжевого и очень изысканного пурпурного.

Еда подразделялась на разные классы. Народные массы ели мясо, рыбу и даже рептилий — впрочем, можно и не говорить "даже", если вспомнить, что и у нас отцы города лакомятся черепахой. Целая туша животного, со всем её содержимым, разрезалась по груди и животу и подвешивалась над большим костром. Когда она была полностью готова, её снимали с огня, содержимое вычерпывалось и раскладывалось по тарелкам — у людей более утончённых, тогда как более грубые люди собирались вокруг самой туши, запуская в неё руки, и вырывали кусочки повкуснее, что иногда приводило к ссорам. Остальное выбрасывали или бросали домашним животным — к самому мясу относились, как у нас к потрохам. Высшие классы употребляли подобную же пищу, но те, кто принадлежал непосредственно ко двору, старались держать подобные пиршества в секрете. Конечно же, божественный царь и его приближённые питались лишь пищей из разнообразно приготовленных зёрен, овощами, фруктами и молоком; последнее и пили, и готовили из него многие сладкие блюда. Фруктовые соки также в значительной мере использовались в качестве напитков. Можно было наблюдать, как некоторые из придворных и сановников, публично принимавших эту более лёгкую пищу, потом тихо пробирались в свои личные покои и лакомились более скромной пищей, среди которой не последнюю роль играла рыба "с душком".

Правление было самодержавным, и в дни расцвета толтекской цивилизации это правление божественных царей было для народа самой счастливой системой. Когда же неограниченная власть, которой они обладали, перешла к более молодым душам, начались злоупотребления и бедствия увеличивались, ибо здесь, как и везде, рыба гнила с головы. Система заключалась в том, что губернаторы отвечали за благоденствие и счастье своих провинций, и преступность или голод считались результатом их небрежности или непригодности. В основном они назначались из высших классов, но особо многообещающие дети, где бы они ни

обнаруживались, набирались в высшие школы для подготовки к государственной службе. Дискриминации по половому признаку, подобной существовавшей в XIX веке, не было, и для женщин была доступна любая должность в государстве.

Огромный рост богатства и роскоши постепенно подорвал самую великолепную из цивилизаций, которую только видел мир. Знание проституировалось для целей личной корысти, и контроль над силами природы вместо служения был обращён на подавление. Потому Атлантида пала, несмотря на все свои достижения и мощь её империй, и мировое лидерство перешло в руки дочерней, арийской расы, которая, хотя в прошлом и имела на своём счету множество великолепных достижений, ещё не достигла зенита своей славы и своего могущества, и через несколько столетий поднимется даже выше, чем возвышалась Атлантида в свои лучшие дни.

Туранская цивилизация в древней Халдее, XIX тысячелетие до н.э.

Ещё одна древняя цивилизация, по-своему заинтересовавшая нас почти так же, как перуанская, возникла в той части Азии, которая впоследствии была названа Вавилонией или Халдеей. У этих цивилизаций была одна общая любопытная черта — обе они в период своего упадка, через много веков после периода великолепного расцвета, в который и было полезнее всего их изучать, были покорены народами, стоявшими гораздо ниже них по шкале цивилизации, но тем не менее попытавшимися принять, в той мере, в какой они могли, обычаи, религию и государственное устройство покорённых ими вымирающих рас. И точно так же, как и Перу, открытое Писарро, было почти во всех отношениях бледной копией древнего Перу, которое мы пытались описать, так и Вавилония, известная изучающим археологию, была во многих отношениях выродившимся отражением более ранней и великой империи.

Во многих отношениях, но, пожалуй, не во всех. Возможно, позднейшее царство в зените своей славы превосходило своего предшественника в военной мощи, территориальным владениям и масштабам торговли; но в том, что касается простоты жизни, искренней приверженности принципам своей замечательной религии и истинного знания фактов природы, мало может быть сомнения, что преимущество было за ранней расой.

Пожалуй, трудно найти больший контраст между двумя странами, чем мы обнаруживаем между Перу и Вавилонией. Самой выдающейся чертой Перу была примечательная система правления, а религия играла в жизни народа сравнительно небольшую роль, и в действительности гражданские функции жрецов как просветителей, врачей и участников огромной системы обеспечения продовольствием гораздо больше бросались в глаза, чем их проповеди и хвалы, время от времени произносимые по случаю храмовых служб. В Халдее, напротив, система правления никоим образом не была необычайной, но главным фактором в жизни была именно религия, ибо ни одно предприятие какого бы то ни было сорта не начиналось без особого к ней обращения. Фактически, религия проникала в жизнь народа и преобладала в ней в степени, которая может сравниться лишь с той, в какой она управляет жизнью брахманов Индии.

Вспомним, что у перуанцев культ состоял в простой, но исключительно красивой форме поклонения Солнцу, или, скорее, духу Солнца; догматы их религии были ясными и немногочисленными, а главной чертой её был всепроникающий дух радости. В Халдее вера была более суровой и мистической, а ритуалы были более сложными. Там почитали не только Солнце, но весь сонм небес, и фактически религия была чрезвычайно сложной схемой

поклонения великим звёздным ангелам, причём в качестве практического руководства к повседневной жизни в неё входила тщательно разработанная система астрологии.

Давайте пока что отложим описание их великолепных храмов и пышных ритуалов, и рассмотрим сначала отношение этой странной религии к жизни людей. Чтобы понять её эффект, мы должны попытаться понять их взгляд на астрологию, и я думаю, что мы найдём его в целом выражением здравого смысла, и он дал бы большие преимущества, будь он принят профессорами этого искусства наших дней.

Конечно же, в ранний период, о котором мы говорим, никто из жрецов или наставников, да и насколько мы могли видеть, даже самый невежественный из простого народа не придерживался того взгляда, что сами физические планеты могут влиять на дела людей. Тщательно разработанная математическая теория жрецов, вероятно, была передана им по непрерывной линии традиции от ранних учителей, обладавших непосредственным знанием великих фактов природы, полученным на собственном опыте. Общее представление об их схеме будет нетрудно передать, однако построить какую-либо математическую фигуру, соответствующую требованиям их теории во всех подробностях, в наших трёх измерениях представляется невозможным — по крайней мере при наших нынешних знаниях.

Всю Солнечную Систему, во всей своей огромной сложности, они считали просто одним великим существом, а все её части — его частными выражениями. Все его физические составляющие — Солнце с его удивительной короной, все планеты с их спутниками, их океанами, атмосферами и окружающими их различными эфирами — все они вместе составляли его физическое тело, его выражение на физическом плане. Таким же образом совокупность их астральных миров (не только астральные сферы, принадлежащие к физическим планетам, но и чисто астральные планеты всех цепей — такие, например, как планеты В и F нашей цепи) составляла его астральное тело, а совокупность ментальных миров — его ментальное тело, тот проводник, через который оно проявлялось на ментальном плане.

Пока что идея ясна, и она очень близка к тому, чему учили и нас касательно великого логоса нашей системы. Теперь допустим, что в этих его "телах" на различных их уровнях есть определённые различные классы или типы материи, достаточно равномерно распределённые по всей системе. Эти типы не соответствуют обычному нашему разделению на подпланы, которое производится согласно степени плотности материи, так что, например, в физическом мире мы имеем твёрдое, жидкое, газообразное и эфирные состояния материи. Напротив, это совсем иной способ подразделения, при котором в каждом из типов содержится материя всех этих состояний, так что если мы обозначим каждый из этих типов числами, то получим твёрдую, жидкую и газообразную материю первого типа, твёрдую, жидкую и газообразную материю второго типа и так далее.

Так происходит на всех уровнях, но для ясности давайте пока что ограничим наши размышления одним. Пожалуй, легче всего эту идею будет проследить в отношении астрального плана. Часто объяснялось, что в астральном теле человека можно найти материю, принадлежащую к каждому из подпланов, и пропорция между более плотными и тонкими её видами показывает, насколько это тело способно откликаться на более грубые или утончённые виды желаний, таким образом в некоторой мере являясь индикатором уровня, до которого развился человек. Подобно этому, в каждом астральном теле есть материя и всех этих типов, или перпендикулярных подразделений, но в данном случае пропорция между ними показывает темперамент человека — возбудимый он или спокойный, сангвиник он или флегматик, терпеливый или раздражительный и так далее.

Халдейская теория заключалась в том, что каждый из этих типов материи в астральном теле логоса, а конкретно — масса элементарной сущности, функционирующая через тот или иной тип, является в некотором роде отдельным проводником, почти что отдельным существом, имеющим свои особые сродства и способным вибрировать, откликаясь на влияния, которые, возможно, и не вызвали бы отклика у других типов. Эти типы различны между собой из-за того, что составляющая их материя первоначально изошла через разные центры логоса, так что материя каждого типа всё ещё находится в самой близкой симпатии с тем центром, к которому она принадлежит, и малейшее изменение любого рода в состоянии этого центра сразу же отражается тем или иным образом во всей материи соответствующего типа.

Поскольку в каждом человеке есть материя всех этих типов, то очевидно, что всякое действие любого из этих центров и любое изменение в них должно в той или иной мере повлиять на всех существ в системе, причём степень, в которой тот или иной человек подвергнется этому воздействию, зависит от пропорции, в которой присутствует в его астральном теле тот тип материи, который подвергается влиянию. Так что мы обнаруживаем различные типы людей, точно так же, как и материи, и в силу их конституции, а именно — строения их астральных тел, некоторые из них оказываются более подвержены одним влияниям, а некоторые — другим.

Вся Солнечная Система, если смотреть на неё с достаточно высокого плана, выглядит состоящей из этих великих центров, каждый из которых окружён огромной сферой влияния, указывающей пределы, в которых изливающаяся через него сила особенно активна. У каждого из этих центров имеется нечто вроде своих собственных упорядоченных периодических изменений, возможно, на бесконечно более высоком уровне соответствующих биениям человеческого сердца. Но поскольку период некоторых из этих изменений гораздо быстрее, чем период других, это даёт любопытный и сложный набор эффектов, и было замечено, что движение физических планет и положение их относительно друг друга даёт ключ к расположению этих великих сфер в любой момент. В Халдее считали, что при постепенном сгущении первоначального светящегося тумана, из которого образовалась наша система, местоположение физических планет определялось образованием вихрей в определённых точках пересечения этих сфер друг с другом и данной плоскостью.

Влияния, принадлежащие этим сферам, широко варьируются по качеству, и один из способов, которыми проявляется эта разница, является их воздействие на элементарную сущность в человеке и вокруг него. Однако следует всегда помнить, что существование такого влияния предполагается на *всех* планах, а не только на астральном, хотя сейчас ради простоты мы ограничиваемся именно им. У этих влияний могут и должны быть другие, и более важные линии воздействия, чем известно нам сейчас, но по меньшей мере то, что каждая сфера оказывает свой особый эффект на многообразные разновидности элементарной сущности, не может не обратить на себя внимание наблюдателя.

Одно, например, значительно стимулирует активность и жизненность тех видов сущности, которые относятся к центру, из которого оно пришло, в то же время по всей видимости сдерживая активность других или управляя ею; влияние же другого на свои собственные виды сущности может быть очень сильным, при этом нисколько не действуя на другие виды. Есть всевозможные виды сочетаний и видоизменений, при которых действие одного из влияний может быть усилено или почти нейтрализовано присутствием другого.

Здесь неизбежно зададут вопрос — не были ли халдейские жрецы фаталистами, и не считали ли они, открыв, какой точно эффект оказывают эти влияния на разные типы людей, что эти

результаты неизбежны и человеческая воля не в силах им сопротивляться? Их ответ на последний вопрос решительно утверждал, что эти влияния ни в малейшей степени не имеют власти над волей человека; всё, что они могут сделать — это в некоторых случаях облегчить, а в некоторых — затруднить действие воли в некоторых направлениях. Но поскольку астральное и ментальное тела человека состоят практически из той живой материи, которую мы называем элементарной сущностью, то всякое необычное возбуждение любого из её типов, или внезапное увеличение её активности, несомненно может в некоторой мере повлиять на его эмоции или ум, или на то и другое. Очевидно также, что эти влияния воздействуют по-разному на разных людей — по причине отличия разновидностей сущности, входящих в их состав.

Однако самым ясным образом заявлялось, что человек ни в коем случае не может быть сбит ими с избранного им направления действий без ведома его воли, хотя очевидно, что они могут помочь или помешать ему в предпринимаемых им усилиях. Жрецы учили, что человеку по-настоящему сильному почти нет нужды беспокоиться о том, когда какие влияния господствуют, но во всем заурядным людям обычно стоит знать, в какой момент какую силу можно будет применить с наибольшим преимуществом.

Они тщательно разъясняли, что сами по себе эти влияния являются не в большей мере добрыми или злыми, чем любые другие силы природы, как сказали бы мы теперь — подобно тому, как электричество или любая другая великая сила может нам помогать или вредить соответственно тому, какое ей даётся применение. И точно так же, как некоторые эксперименты скорее будут успешными, если предпринимаются, когда воздух сильно заряжен электричеством, тогда как другие в этих условиях скорее всего не удадутся, так, говорили они, и усилия, требующие применения сил нашей умственной и эмоциональной природы, с большей или меньшей лёгкостью достигнут своей цели соответственно влияниям, преобладающим во время их совершения.

Потому всегда понималось, что человек железной решимости или изучающий истинный оккультизм мог отбросить эти факторы как пренебрежимо малые, но поскольку большинство представителей человечества всё ещё позволяют себе быть беспомощными игрушками сил желаний и пока не развили ничего достойного называться собственной волей, считалось, что их слабость позволяет этим влияниям обрести ту важность, на которую они сами по себе и не претендовали.

Факт воздействия какого-либо влияния никогда не означает *неизбежности* того или иного события, но делает его более *вероятным*. Например, в результате того, что в современной астрологии называется влиянием Марса, в астральной сущности устанавливаются определённые вибрации, склоняющие к страсти. Потому вполне можно предсказать, что человек, по природе склонный к чувственности и страстности при особо усиленном воздействии этих влияний, вероятно, совершит какое-нибудь преступление связанное с чувственностью и страстью. Он ни в малейшей степени не будет к этому *принуждён*, но просто наступит состояние, при котором ему станет гораздо труднее сохранять равновесие. Ведь воздействие, которому он подвергнется, будет двоякого характера — не только сущность *внутри* него будет побуждена к большей активности, но и соответствующая материя плана снаружи тоже ускорится, что опять же подействует на него.

Часто приводился пример того, как определённая разновидность влияния иногда может вызвать такое положение дел, когда заметно усиливаются все виды нервного возбуждения, вследствие чего повсюду возникает общее чувство раздражительности. При таких обстоятельствах гораздо чаще, чем обычно, возникают споры, даже по самым пустячным

поводам, и большое количество людей, которые всегда были на грани потери самообладания, полностью теряют над собой контроль при малейшей провокации.

Также говорилось, что иногда может случиться, что такие влияния, попадая на почву затаённого недовольства или невежественной зависти, могут раздуть их до народного бунта, из которого могут последовать масштабные бедствия. Очевидно, это предупреждение, данное тысячи лет назад, вовсе нелишне и сейчас, ибо именно под этой причине в 1870 году парижане носились по улицам с криками "на Берлин!", и именно так много раз возникал дьявольский призыв "дин! дин!", так легко возбуждавший бешеный фанатизм нецивилизованной исламской толпы.

Потому астрология этих халдейских жрецов занималась в основном вычислением положений и воздействий этих сфер влияния, так что главной её функцией скорее было установление распорядка жизни, а не предсказание будущего. Во всяком случае её предсказания носили характер указания тенденций, а не точных событий, тогда как астрология нашего времени, похоже, посвящает себя в значительной мере именно последнему.

Тем не менее, не может быть сомнений, что древние халдеи были правы в том, что человеческая воля в силах изменить судьбу, назначенную ему его кармой. Карма может забросить человека в определённое окружение или подставить его под те или иные влияния, но она никогда не может заставить его совершить преступление, хотя и может поставить его в такое положение, что с его стороны потребуются большая решимость, чтобы этого преступления избежать. Потому нам представляется, что в силах астрологии — предупреждать человека об обстоятельствах, в которых он окажется в то или иное время, но всякое предсказание его действий при этих обстоятельствах теоретически может основываться лишь на вероятности, — хотя мы и вполне признаём, что в случае заурядного и безвольного человека из толпы эта вероятность становится определённой.

Вычисления этих древних жрецов позволяли им составить нечто вроде официального календаря на каждый год, которым в значительной мере регулировалась вся жизнь народа. Они решали, в какое время наиболее безопасно можно проводить все сельскохозяйственные работы и указывали подходящие моменты для разведения животных и растений. Они были не только наставниками народа, но и врачами, и точно знали, при каком сочетании влияний различные лекарства можно было применять с наибольшей эффективностью.

Своих последователей они делили на классы по признаку, которые теперь бы мы назвали управляющими планетами, и их календарь был полон предупреждений, адресованных разным классам, например: "в седьмой день поклоняющиеся Марсу должны особенно остерегаться беспричинного раздражения", или "с двенадцатого по пятнадцатый день существует необычайная опасность опрометчивости в любовных делах, особенно для поклоняющихся Венере", и так далее. И в том, что эти предостережения оказывались очень полезными для масс народа, мы не можем сомневаться, какой бы странной ни казалась эта разработанная система предосторожностей против малейших случайностей в наши дни.

Из этого своеобразного деления людей на типы соответственно планетам, указывавшим положение центра влияния, которому они были легче всего подвержены, происходило столь же любопытное устройство как публичных храмовых служб, так и личного поклонения верующих. Определённые часы дня для молитвы, определяемые по видимому движению Солнца, соблюдались одинаково всеми; на восходе, в полдень и на закате жрецами в храмах распевались определённые стихи или гимны, и более религиозные люди взяли себе за правило

регулярно присутствовать на этих коротких службах, тогда как те, кому не было удобно на них присутствовать, соблюдали эти часы, читая несколько благочестивых фраз восхваления и молитвы.

Но, совершенно отдельно от этих обрядов, которые, похоже, были общими для всех, у каждого были свои собственные молитвы, возносимые тому божеству, с которым он был связан от рождения, а время для них постоянно изменялось соответственно с движением его планеты. Момент прохождения ею меридиана по всей видимости считался самым благоприятным, а следующими по степени благоприятности считались несколько минут, следующих сразу за её восходом или непосредственно предшествовавших её заходу. Однако, к ней можно было обращаться в любое время, когда она над горизонтом, и даже после захода её за горизонт божество планеты не было всецело вне досягаемости, хотя в этом случае к нему обращались только в случае какой-нибудь чрезвычайной ситуации, и весь церемониал был совершенно иным.

Жрецами составлялись особые календари для последователей каждого из этих планетных божеств, где содержались все подробности, касающиеся подходящих часов для молитвы и стихов, которые должны были в них читаться. Они были чем-то вроде периодических молитвенников, выпускавшихся для каждой планеты, и все, кто был связан с определённой планетой, старались раздобыть себе копии соответствующего календаря. Фактически, это было нечто гораздо больше, чем просто расписания, напоминавшие о часах молитвы; они готовились в особых астрологических условиях — каждый под влиянием своего собственного божества, и считались обладающими свойствами талисманов, так что каждый последователь той или иной планеты всегда имел с собой самый свежий календарь для неё.

Из этого следовало, что у религиозных людей древней Халдеи не было регулярных часов молитвы и поклонения каждый день, как это практикуют сейчас — вместо этого время для медитации и религиозных упражнений было скользящим и иногда могло приходиться на утро, иногда — на полдень, иногда — на вечер, и даже на полночь. Но когда бы оно ни наступало, его не пропускали, и как бы неудобно ни вклинивался этот час в дела человека, его удовольствия или его отдых, если он упускал возможность воспользоваться этим преимуществом, это считалось серьёзным уклонением от исполнения долга. Насколько мы могли видеть, ни у кого и мысли не было, что дух планеты мог каким-либо образом прогневаться, если этими часами пренебрегали, или что он вообще мог испытывать гнев; идея скорее была в том, что в эти моменты божество изливает своё благословение, и было бы не только глупо, но и неблагодарно упускать столь любезно предоставленную возможность.

Пока что мы коснулись лишь личной религиозной жизни людей, но у них были и большие и пышные публичные церемонии. Каждой планете соответствовало по меньшей мере два великих праздника в году, а у Солнца и Луны их было куда больше, чем два. У каждого планетного духа были храмы во всех частях страны, и по обычным случаям их последователи довольствовались посещением ближайшего; но в большие праздники, о которых мы говорим, огромные множества людей собирались на обширной равнине в окрестностях столицы, где находилась группа великолепных храмов, каждый из которых был совершенно уникален.

Эти здания сами по себе достойны внимания как отличные образцы доисторического стиля архитектуры, но больше всего интересны они тем, что их расположение, очевидно, имело целью представить расположение планет в Солнечной Системе, и поняв принцип расположения этих храмов, можно было убедиться, что составлявшие этот план обладали значительным знанием предмета. Самым великолепным и намного превосходящих всех по

размеру был огромный храм Солнца, которые будет необходимо описать более подробно. Другие, воздвигнутые на постепенно увеличивающихся расстояниях от него, с первого взгляда выглядели так, будто были построены не по упорядоченному плану, а просто так, как диктовало удобство.

Однако, более пристальное изучение показало, что план был, и план примечательный — что не только постепенно растущие расстояния между меньшими храмами находились в определённом соотношении и несли определённый смысл, но и даже относительные размеры некоторых важных частей этих храмов не были случайными, поскольку означали соответственно размеры планет и их расстояния от Солнца.

Но всякому, кто вообще хоть что-то знает об астрономии, очевидно, что всякие попытки построить модель Солнечной Системы, соблюдая масштаб, обречены на неудачу — во всяком случае, если делать храмы таких размеров, чтобы они годились для обычного поклонения. Разница в размерах между Солнцем и самыми маленькими членами его семьи столь значительна, а расстояния между ними столь огромны, что если здания не сделать кукольными домиками, никакая страна не смогла бы вместить всю систему.

Как же тогда халдейские жрецы, спланировавшие этот удивительный комплекс храмов, ухитрились преодолеть эти трудности? Точно так же, как поступают иллюстраторы наших современных книг по астрономии — используя два совершенно разных масштаба, но сохранив относительные пропорции внутри каждого из них. В этом удивительном памятнике древнего искусства нет ничего, что могло бы нам доказать, что его автор знал абсолютные размеры планет и расстояния до них, хотя конечно же он *мог* их знать, но в чём можно быть уверенными, так это в том, что ему прекрасно были знакомы их *относительные* размеры и удалённость от Солнца. Он также узнал от своих учителей или сам открыл закон Бодэ. Насколько дальше простирались его знания, на основании изучения этих построек остаётся только предполагать, но он точно должен был владеть некоторыми знаниями о размерах орбит планет, хотя его вычисления в некоторых отношениях отличались от принятых сейчас.

Святынища, посвящённые внутренним планетам, образовывали нечто вроде неравномерного скопления под самыми стенами великого храма Солнца, тогда как храмы других членов солнечной семьи были рассыпаны по равнине со всё большими интервалами, и представитель удалённого Нептуна почти терялся вдалеке. Здания отличались по стилю, и почти нет сомнений, что у каждого видоизменения было своё особое значение, хотя во многих случаях мы и не могли его выяснить. Однако, была одна черта, являвшаяся для всех общей — у каждого из них был центральный полусферический купол, который, очевидно, имел особое отношение к тому небесному телу, которое он представлял.

Все эти полусферы были ярко окрашены теми цветами, которые халдейская традиция связывала с той или иной планетой. Принцип, по которому были выбраны эти цвета, далеко не ясен, но мы вернёмся к этим цветам позже, когда будем описывать великие праздничные службы. Купола вовсе не всегда сохраняли те же пропорции к размерам храмов, но их относительные размеры точно соответствовали диаметрам планет, которые они символизировали. Что касается Меркурия, Венеры, Луны и Марса, халдейские вычисления этих размеров точно совпадали с нашими собственными, но купола для Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна, хотя и были значительно больше, чем у внутренней группы, всё же были явно меньше, чем должны были быть согласно нашим расчётам, если были бы построены в том же масштабе.

Возможно, причиной этому применение для этих огромных шаров другого стандарта, но

гораздо более вероятным кажется, что халдейские пропорции были верны, а современные астрономы значительно переоценили размеры внешних планет. Пока лишь установлено, что в случае Юпитера и Сатурна наблюдаемая нами поверхность — это лишь край обширного и плотного облачного покрова, а не поверхность самой планеты, и если это так, то халдейское представление этих планет должно быть столь же точно, как и в остальных частях их схемы. Другой аргумент в пользу такого предположения состоит в необычайно низкой плотности, обычно приписываемой этим планетам нашими астрономами, которая не согласуется с плотностью планет, более доступных для нашего наблюдения.

Несколько любопытных подробностей, будучи взяты вместе, показали нам, что тот, кто планировал эти прекрасные храмы, должно быть обладал основательным знанием Солнечной Системы. Вулкан,* планета, орбита которой находится внутри орбиты Меркурия, был представлен должным образом, а то место, которое в этой схеме должна была занимать Земля, было занято храмом Луны — он был большим, но венчавшее его полушарие было непропорционально маленьким, будучи выполнено в том же масштабе, что и все остальные. Вблизи этого храма возвышался отдельный купол из чёрного мрамора, поддерживаемый колоннами, который, судя по его размеру, очевидно, должен был олицетворять Землю, но при нём не было никакого святилища.

* Считается, что эта планета не открыта современными астрономами из-за своих малых размеров и того, что она находится очень близко к Солнцу. Е. П. Блаватская указывает, что в экзотерических гороскопах её роль выполняет Солнце, которое, будучи звездой, не должно рассматриваться в качестве одной из планет гороскопа (См. "Протоколы ложи Блаватской", Встреча IV). — Прим. пер.

В пространстве между Марсом и Юпитером (вычисленном совершенно точно) не было храма, но находилось несколько колонн, каждая из которых венчалась крохотным куполом обычной полусферической формы; как мы предположили, они должны были представлять астероиды. У каждой планеты, имевшей спутники, они были тщательно обозначены второстепенными куполами соответствующих пропорций, окружавшими главный купол, и также ясно были показаны кольца Сатурна.

По главным праздникам той или иной планеты все последователи соответствующего божества (или как бы мы сказали сейчас, люди, родившиеся под этой планетой) надевали поверх или вместо своих обычных одежд мантии или ризы того цвета, который был посвящён этой планете. Цвета эти были чрезвычайно яркими, а материал блестел, подобно атласу, так что эффект обычно получался поразительным, особенно когда под основным цветом был другой оттенок, как в так называемом переливающимся шёлке. Список этих цветов может оказаться интересным, хотя, как мы ранее заметили, причины, определившие их выбор, не всегда очевидны.

Платье последователей Солнца было из красивого тонкого шёлкового материала, в который были вплетены золотые нити, так что это одеяние выглядело по-настоящему золотым. Но золотая ткань, знакомая нам теперь, толстая и негнувшаяся, тогда как та ткань была столь гибкой, что её можно было сложить, как муслин.

Цвет Вулкана был характерным цветом пламени, ярким и эффектным — вероятно, символизируя крайнюю близость Вулкана у Солнца и огненные физические условия, которые должны на нём иметь место.

Меркурий символизировался ярким оранжевым оттенком, переливающимся с лимонным —

эти оттенки нередко можно было заметить в аурах его последователей, как и в их облачениях, но хотя в некоторых случаях преобладающий в ауре цвет казался возможным объяснением выбора цвета планеты, были и другие случаи, к которым этот принцип вряд ли можно было применить.

Приверженцы Венеры одевались в красивый и чистый небесно-голубой, под которым был светло-зелёный, что в целом давало переливчатый эффект, когда одетый так человек двигался.

Одеяния Луны были, естественно, из белого материала, но в него были вплетены серебряные нити, так что его практически можно было назвать серебряной тканью, так же как одеяния Солнца были тканью золотой. Однако при некоторых типах освещения эти лунные одеяния демонстрировали красивые бледно-фиолетовые оттенки, что значительно улучшало производимый эффект.

Марс достаточно уместно облачал своих приверженцев в великолепные ярко-алые одеяния, но под этим цветом был сильный малиновый оттенок, практически занимая его место при наблюдении с некоторых точек. Этот цвет совершенно невозможно было спутать с цветами Вулкана и Меркурия — он совершенно от них отличался. Он мог быть избран как по причине цвета ауры, так и по красноватому оттенку самой физической планеты.

Юпитер облачал своих детей в замечательный блестящий сине-фиолетовый материал, испещрённый крохотными серебряными крапинками. Причину этого объяснить нелегко, если опять не приписать это ассоциации с цветами ауры.

Приверженцы Сатурна одевались в ясный зелёный цвет, подобный иногда появляющемуся при закате солнца, а под ним были жемчужно-серые оттенки, тогда как родившиеся под Ураном носили великолепный глубокий голубой — непередаваемый цвет Южной Атлантики, незнакомый никому, кроме тех, кому приходилось его видеть. Одежды, соответствующие Нептуну, были наименее заметными из всех, поскольку это был простой тёмно-синий цвет, хотя при ярком освещении он тоже приобретал неожиданное богатство.

По основным праздникам какой-либо из этих планет её последователи появлялись в полном облачении, и процессией следовали в её храм, украшенные гирляндами цветов, неся знамёна и золочёные жезлы, и наполняя воздух звучным пением. Но самым большим зрелищем был один из главных праздников Бога Солнца, когда все люди вместе, одетые в пышные облачения своих божеств-покровителей, своим огромным множеством совершали торжественный ход вокруг храма Солнца. По таким случаям приверженцы Солнца наполняли до отказа само здание храма, тогда как рядом со стенами проходили последователи Вулкана, снаружи их — Меркурия, Венеры, и так далее — все планеты были представлены в порядке их удалённости от Солнца. Вся масса народа, таким образом расположенная концентрическими кругами ярких цветов, медленно и равномерно вращалась подобно колоссальному живому колесу, и под потоками живого света, изливаемыми тропическим солнцем, они, пожалуй, представляли самое яркое зрелище, которое только видел мир.

Чтобы можно было дать некоторое представление о ещё более интересных церемониях, происходивших по таким случаям внутри самого храма Солнца, необходимо попробовать описать его внешний вид и устройство. Основной его план был крестообразный, с большим круглым помещением (покрытым полусферическим куполом), где и встречались лучи креста. Мы получим о нём более верное представление, если вместо обычной крестообразной церкви с нефом, алтарём и притворами представим себе огромное круглое помещение под куполом,

напоминающее читальный зал Британского Музея, и четыре гигантских нефа, расходящихся от него на все четыре стороны света, при этом все лучи креста имеют одинаковую длину. Чётко представив эту часть картины, добавим к этому четыре других больших прохода между лучами креста, ведущие в обширные залы, стены которых так закруглялись, что в плане эти залы имели вид листьев или лепестков цветка. Фактически, план храма выглядел, как равносторонний крест, наложенный на простой четырёхлепестковый цветок, так что лучи креста были между лепестками.

Человек, стоявший в центре под куполом потому мог наблюдать виды, простирающиеся во всех направлениях. Всё строение было тщательно ориентировано по сторонам света, так что лучи креста были точно направлены на кардинальные точки. Южный конец оставался открытым и образовывал главный вход, напротив которого был огромный алтарь, занимавший конец северного нефа. В восточном и западном нефах тоже были алтари, гигантские с нашей точки зрения, хотя и значительно меньшие, чем главное возвышение в северном конце.

Эти восточный и западный алтари, похоже, играли примерно ту же роль, что и те, что в католических соборах посвящаются Пресвятой Деве и Св. Иосифу, так как один из них был посвящён Солнцу, а другой — Луне, и некоторые из регулярных ежедневных служб, связанные с этими двумя светилами, совершались возле них. Однако самые большие толпы собирались вокруг большого северного алтаря, возле которого проводились все самые большие церемонии, и его устройство и обстановка были интересными и любопытными.

На стене за алтарём, в том месте, которое в обычной церкви занимает "восточное окно" (хотя здесь это был север), висело огромное вогнутое зеркало, намного превосходящее в размерах любое, которое нам приходилось видеть. Оно было металлическим, скорее всего серебряным, и было отполировано до предельно возможной степени. Нами было замечено, что уход за ним и поддержание его блеска и такой чистоты, чтобы на нём не было и пылинки, считалось религиозным долгом самого первостепенного характера. Изготовление столь огромного зеркала с таким совершенством, да ещё и так, чтобы его огромный вес не искривил его, оказалось бы серьёзной проблемой для современных инженеров, но она была успешно решена этими людьми, жившими в далёком прошлом.

По центру крыши этого огромного северного нефа проходил узкий разрез, через который было видно небо, так что свет всякой звезды, проходившей меридиан, проникал в храм и падал на это огромное зеркало. Известное свойство вогнутого зеркала состоит в том, что оно формирует в воздухе перед собой, в своём фокусе, образы всего, что в нём отражается, и этот принцип использовался жрецами, чтобы (как бы они, вероятно, это назвали) собрать и применить влияние каждой планеты, когда она в самой большой силе. На полу, под фокусом зеркала, был пьедестал с установленной на нём жаровней, и когда планета проходила меридиан и светила через прорезь в крыше, на угли в жаровне бросали немного благовония. Сразу же поднимался столб серого дыма, и посреди него сиял живой образ планеты. Тогда прихожане склоняли свои головы, и звучало радостное пение жрецов. Фактически, эта церемония несколько напоминала выставление святых даров в католической церкви.

При необходимости пускалось в действие и другое устройство — плоское круглое зеркало, которое спускалось с крыши на верёвках так, чтобы точно занимать фокус большого зеркала. Им ловили отражённый образ планеты, и наклоняя его, могли направлять концентрированный свет, принятый вогнутым зеркалом, на определённые места на полу храма. На эти места клали больных, для которых данное конкретное влияние считалось благотворным, тогда как жрец возносил молитву, чтобы планетный дух излил на них исцеляющее и укрепляющее влияние; и

несомненно, эти усилия часто вознаграждались исцелениями, хотя вполне возможно, что в достижении результата большую роль играла вера.

Возжжение некоторых священных огней, когда меридиан проходило само Солнце, совершалось с помощью того же приспособления, хотя одна из самых интересных церемоний этого рода проводилась всегда на западном алтаре. На этом алтаре всегда горел огонь, называвшийся "священным лунным огнём", и ему позволяли погаснуть лишь раз в год, в ночь перед весенним равноденствием. На следующее утро лучи Солнца, проходя через отверстие над восточным алтарём, падали прямо на западный притвор, и с помощью подвешенного на их пути стеклянного шара, наполненного водой и действовавшего как линза, само Солнце снова зажигало священный огонь Луны, который затем заботливо хранили и поддерживали весь следующий год.

Внутренняя поверхность большого купола представляла собой планетарий, и при помощи некоего сложного механизма основные созвездия двигались в соответствии с реальным движением звёзд, так что в любое время дня, или в пасмурную ночь, поклоняющийся в храме мог точно определить положение любого из знаков зодиака и положение планет относительно их. Для представления планет использовались светящиеся тела, и в ранние дни этой религии, в точности как и в ранние дни мистерий, они были настоящими материализациями, вызванными к существованию учителями-адептами; но в позднейшие дни и в том, и в другом случае сделать действующие правильным образом материализации оказалось трудным или невозможным, и их место заняли искусно устроенные механизмы. Внешняя поверхность этого огромного купола была покрыта тонкими пластинами золота; и примечательно, что на поверхности создавался специфический пятнистый эффект, целью которого, очевидно было воспроизвести "рисовые зёрна" или пятна на Солнце.

Другой интересной чертой этого храма было подземное помещение или потайной склеп, который был предназначен исключительно для жрецов, по всей видимости, с целью медитации и саморазвития. Единственный допускавшийся туда свет проходил через толстые пластины хрусталеоподобного вещества различных цветов, вставленные в полу храма. Были сделаны устройства, отражавшие солнечный свет и направлявшие его через эти фильтры, и жрец, практиковавший медитацию, позволял этому отражённому свету падать на различные центры своего тела — иногда между глаз, иногда в основание позвоночника, и так далее. Очевидно, это способствовало развитию способностей предсказания, ясновидения и интуиции, а применяемый цвет зависел не только от того, какой цели хотел достигнуть жрец, но и от планеты или типа, к которому он принадлежал. Было также замечено, что здесь, как и в греческих мистериях, использовался тирс — пустотелый стержень, заряженный электрическим или жизненным огнём.

Интересную часть изучения этой религии древнего мира составили наши попытки понять, что же имели в виду её учителя, когда говорили о звёздном ангеле и духе звезды. Небольшое, но тщательное исследование показало, что эти термины, хотя иногда бывали синонимами, не всегда таковы, поскольку под общим термином "дух планеты" у них, похоже, скрывалось по меньшей мере три совершенно разных понятия.

Во-первых, они верили в существование у каждой планеты неразвитой, полуразумной, и в то же время чрезвычайно мощной сущности, суть которой в нашей теософической терминологии мы, пожалуй, могли бы выразить как совокупность всей элементарной сущности этой планеты, рассматриваемую как одно огромное существо. Мы знаем, как в случае человека элементарная сущность, входящая в состав его астрального тела, становится во всех

отношениях отдельным существом, которое иногда называют элементом желания, и как различные типы и классы этой сущности соединяются во временное единство, способное на вполне определённые действия по своей самозащите, как например, сопротивление процессу распада, начинающемуся после смерти.* Точно так же мы можем представить и совокупность элементарных царств какой-либо планеты, энергетически представляющую единое целое, и тогда поймём теорию, которой придерживались древние халдеи касательно этой первой разновидности планетарного духа, для которого гораздо более подходящим названием будет "планетарный элементал". Влияние (или, возможно, магнетизм) этого-то планетарного элемента и пытались они сфокусировать на людях, страдающих от определённых болезней, или заключить его в талисман для будущего использования.

* См. Ч. Ледбитер, "Внутренняя жизнь", Раздел V, глава "Элементал желания" — прим. пер.

Жрецы считали, что видимые для нас физические планеты служат указателями положения или состояния великих центров в теле самого логоса, и что через каждый из этих великих центров изливается один из десяти типов сущности, из которой, согласно им, было построено всё. Каждый из этих типов, взятый сам по себе, отождествлялся в планетой, и также часто назывался духом этой планеты, таким образом придавая этому термину ещё один, совершенно отличный смысл. В этом смысле они говорили о духе планеты как о присутствующем повсюду во всей Солнечной Системе, действующем в каждом человеке и показывающем себя в его действиях, а также проявляющемся через определённые растения и минералы и придающем им их отличительные свойства. Конечно, этот самый "дух планеты" в человеке и подвергался воздействию состояния того великого центра, к которому он принадлежал, и именно в отношении его и выпускались все астрологические предостережения.

Однако, когда халдеи призывали благословение духа планеты, или старались подняться к нему искренней и почтительной медитацией, они использовали это выражение в ещё одном смысле. Каждый из этих великих центров они считали дающим рождение целой иерархии великих духов, и во главе каждой из этих иерархий стоял Великий, называвшийся Духом планеты, или чаще, звёздным ангелом. Это его благословения искали родившиеся под его влиянием, и это его считали они одним из великих архангелов, семи духов перед престолом божим, как называют их благоговейные христиане, одним из могучих распорядителей божественной силы логоса, каналом, через который проявляется его невыразимое величие. Поговаривали, что когда в большом храме проводится праздник какой-либо планеты, в тот самый момент, когда её образ ярко вспыхивал среди дыма благовоний, те, чьи глаза открывались благодаря благоговейному экстазу, иногда видели могучую форму её ангела, парящую под сияющим светилом, так, что оно горело у него во лбу, когда он милостиво смотрел на тех поклоняющихся, чья эволюция была с ним так близко связана.

Одно из положений этой древней веры заключалось в том, что в редких случаях для высокоразвитых людей, полных искренней преданности своему ангелу, открывалась возможность силой продолжительной медитации подняться из нашего мира в его мир — то есть изменить весь ход своей эволюции и получить следующее рождение уже не здесь, а на его планете, и храмовые записи содержали отчёты о жрецах, совершивших это, и ушедших таким образом за пределы обычной области человеческого познания. Считалось, что один или два раза в истории это происходило и в отношении более высокого порядка звёздных божеств, относящихся к звёздам, находящимся всецело за пределами нашей Солнечной Системы, но это считалось дерзким полётом в неизвестное, поскольку о полезности этого даже величайшие из высоких жрецов хранили молчание.

Какими бы странными ни показались бы сейчас нам эти методы, и как бы сильно они ни отличались от всего, что мы узнаём теперь, изучая теософию, было бы глупо их осуждать или сомневаться в том, что для тех, кому они предназначались, они были столь же эффективны, как и наши собственные. Мы знаем, что в великом Белом Братстве есть много Учителей, и хотя требования, предъявляемые для каждого шага Пути, одинаковы для всех кандидатов, всё же каждый из Великих Учителей принимает для своих учеников тот метод подготовки, который ему видится для них наиболее подходящим, а поскольку все эти пути одинаково ведут к вершине, не нам говорить, который из них кратчайший или лучший для нашего ближнего. Для каждого человека есть один путь, который является кратчайшим, но который это путь, зависит от того места, из которого он отправляется. Ожидать, что все должны сначала собраться вокруг нашей отправной точки, а оттуда идти нашим путём, значило бы впасть в иллюзию, порождённую невежеством и самомнением — ту самую, которая закрывает глаза религиозным фанатикам. *Нас* не учили поклоняться великим звёздным ангелам или ставить перед собой цель присоединиться к эволюции дэв на сравнительно ранней стадии, но мы всегда должны помнить, что есть и иные направления оккультизма помимо той его формы, с которой нас познакомила теософия, и что даже в нашем собственном направлении мы знаем очень мало.

Пожалуй, лучше избегать слова "поклонение", когда мы описываем чувства халдеев по отношению к звёздным ангелам, поскольку на Западе оно всегда ведёт к ошибочным представлениям. Это скорее глубокая любовь, почтение и преданность, подобные тем, что мы испытываем к Учителям Мудрости.

Эта религия была близка сердцам халдейского народа, и несомненно помогала большинству вести хорошую и праведную жизнь. Её жрецы были людьми великой учёности в своей области, их исследования истории и астрономии были глубоки, и в том, что они изучали две эти науки вместе, не было ничего неестественного, поскольку они всегда классифицировали исторические события согласно их предполагаемой связи с разными астрономическими циклами. Они были также довольно хорошо сведущи в химии, и использовали некоторые её достижения в своих церемониях. Мы наблюдали случай, когда жрец, стоявший на плоской крыше одного из храмов и призывавший одного из планетных духов, держал в руке длинный посох, конец которого был покрыт каким-то веществом, напоминавшим битум. Он начал своё обращение с того, что на каменных плитах, которыми была вымощена крыша, начертил перед собой этим посохом астрологический знак, и это вещество оставило на поверхности камня яркий фосфоресцирующий след.

Как правило, каждый из жрецов посвящал себя какому-нибудь особому направлению обучения. Одна группа становилась искусной в медицине, постоянно исследуя свойства различных трав и лекарств, приготовляемых при той или иной комбинации звёздных влияний; другая обращала своё внимание исключительно к земледелию, выявляя, какая почва лучше подходит для конкретных посевов, и как её можно улучшить. Они также работали над выращиванием всех видов культурных растений и над выведением новых сортов, испытывая скорость и силу их роста под по-разному окрашенными стёклами и так далее. Эта идея применения цветного света для способствования росту растений была распространённой у некоторых из древних атлантских народов, и составляла часть учения, которое первоначально давалось в самой Атлантиде. Ещё одна группа составляла нечто вроде бюро погоды и с достаточной точностью предсказывала как обычные перемены погоды, так и особые возмущения, такие как бури, ураганы и смерчи. Позже это стало чем-то вроде правительственного департамента, и жрецов, предсказывавших неточно, смещали с должности как негодных.

Огромную важность там придавали родовым влияниям, и будущая мать за несколько месяцев до родов направлялась в уединение, чтобы жить почти монашеской жизнью, которая продолжалась и несколько месяцев после рождения ребёнка. Система образования страны не находилась непосредственно в руках жрецов, как это было в Перу, хотя именно они решали, к какой планете принадлежит родившийся ребёнок, что делалось при помощи вычислений, к которым, по всей видимости, в некоторых случаях добавлялись ясновидческие прозрения. Дети, относящиеся к какой-то конкретной планете, посещали школу этой самой планеты и обучались учителями, принадлежавшими к тому же типу, что и они сами, так что детям Сатурна вовсе не разрешалось посещать школу Юпитера, а детям Венеры — обучаться у приверженца Меркурия. Подготовка, предписанная для разных типов, значительно различалась, дабы в каждом случае развить хорошие качества и противодействовать тем слабостям, ожидать которых у данного типа мальчиков или девочек наставников подготовил долгий опыт.

Целью образования у них почти всецело было формирование характера; простая передача знаний занимала полностью подчинённое положение. Каждый ребёнок обучался любопытному иероглифическому письму этой страны и основам простой арифметики, но кроме этого не преподавалось ничего, что мы бы признали за школьные предметы. Учениками заучивалась наизусть многочисленные религиозные, или скорее, этические правила, предписывающие поведение, ожидающееся от "сына Марса", или любой другой планеты при различных обстоятельствах, которые могли возникнуть, и единственной изучавшейся литературой были объёмистые комментарии на них, которым не было конца, полные историй о приключениях и ситуациях, в которых герои действовали иногда мудро, а иногда глупо. Детей учили давать критическую оценку этим действиям и обосновывать своё мнение, а также описать, как бы отличались их собственные действия в подобных обстоятельствах от действий героев.

Хотя дети проводили в школах много лет, всё это время тратилось на ознакомление (не только теоретическое, но и практическое, насколько это было возможно) с учениями этой огромной "Книги Долга", как она называлась. Чтобы уроки лучше запечатлевались в умах детей, они должны были разыгрывать сцены из этих историй, как в театре, олицетворяя тех или иных героев. Всякий молодой человек, у которого развился вкус к истории, математике, сельскому хозяйству, химии или медицине, по окончании школы мог присоединиться в качестве ученика к жрецу, специализирующемуся по одному из этих предметов, но школьный курс ни одного из них не включал, и даже не давал никакой подготовки к их изучению свыше той общей, которая годилась для всех.

Литература этого народа не была обширной. Официальные записи велись с превеликой аккуратностью; регистрировался отвод земли, указы и декреты царей всегда каталогизировались для удобства справки; но хотя эти документы предоставляли прекрасный, даже если несколько суховатый, материал для историка, мы не обнаружили следов написания какой-либо связной истории. Она преподавалась устно, по преданию, и некоторые эпизоды сводились в таблицы в связи с астрономическими циклами, но это были лишь хронологические таблицы, а не история в нашем смысле этого слова.

Поэзия была представлена серией священных книг, дававших высоко символический и образный отчёт о происхождении мира и человечества, а также несколькими балладами или сагами, прославлявшими деяния легендарных героев. Последние, однако, не записывались, а просто передавались от одного чтеца к другому. Этот народ, как и многие другие восточные

народы, любил слушать и сочинять истории, и множество преданий такого рода было передано через века, очевидно, из отдалённой эпохи более грубой цивилизации.

По некоторым из этих ранних легенд оказалось возможным восстановить общий набросок ранней истории этого народа. Большинство этой нации было туранского происхождения и принадлежало к четвёртой подрасе атлантской коренной расы. Первоначально по всей видимости они представляли собой несколько небольших племён, постоянно враждовавших между собой, живших примитивным земледелием и знавших очень мало об архитектуре или какой-либо культуре вообще.* В 30000 г. до н.э., когда они ещё пребывали в таком состоянии, к ним пришёл великий вождь с востока, принадлежавший уже к другой расе, который после арийского завоевания Персии и Месопотамии и установления правления Ману над этими областями, был послан им туда в качестве правителя. От него-то и пошла царская династия древней Халдеи — её представители внешне сильно отличались от своих подданных бронзовой кожей и глубоко посаженными сверкающими глазами. Значительно более поздние вавилонские скульптуры, дошедшие до нас, дают нам неплохое представление об этом типе, хотя ко времени их создания арийская кровь пропитала уже весь этот народ, тогда как в то время, которое мы описываем, она лишь чуть примешалась к нему.

* В таком состоянии они были около 75000 г. до н.э., когда Вайвасвата Ману провёл через их земли свой маленький караван.

После долгого периода великолетия и процветания могущественная Халдейская Империя стала медленно приходить в упадок, пока наконец не была уничтожена вторжением орд фанатичных варваров, которые, придерживаясь более грубой веры, и с истинно пуританским жаром ненавидя все свидетельства более благородных и прекрасных религиозных чувств, чем их собственные, уничтожили все следы великолепных храмов, с такой любовью возведённых для служения звёздным ангелам, которое мы попытались описать. Эти разрушители были в свою очередь изгнаны аккадийцами, пришедшими из северной холмистой страны, которые тоже были атлантами, но шестой подрасы; и последние, постепенно смешиваясь с остатками прежнего народа и другими племенами туранского типа, составили ту шумеро-аккадскую нацию, из которой развилась позднейшая Вавилонская Империя. Однако по мере её роста к ней всё больше примешивалась арийская кровь — сначала от арабской (семитской), а потом и от иранской подрасы, так что ко временам, обычно называемым "историческими", на лицах, запечатлённых для нас скульптурами и мозаиками Ассирии, вряд ли сохранились какие-либо туранские следы.

Этот позднейший народ, по меньшей мере поначалу, поддерживал сильную традицию своего более великого предшественника, и всегда старался возродить положение и религию прошлого. Его усилия были успешны лишь отчасти — из-за примеси чужой веры и воспоминаний о другой, более недавней традиции партнёра, доминировавшего в этой комбинации народов, получилась лишь бледная и искажённая копия великолепного культа звёздных ангелов, процветавшего в золотом веке, который мы попытались описать.

Какими бы бледными и нереальными ни были все эти картины прошлого для тех, кто не видел их сам, всё же они могут не только представить для изучающего оккультизм глубокий интерес, но и оказаться ему очень полезными. Их изучение поможет расширить его кругозор и время от времени будет давать ему отдельные проблески того, как действует огромное целое, в котором всякая эволюция и всякий прогресс, который мы только можем представить, оказывается лишь крошечным колёсиком в огромной машине, маленькой компанией в огромной царской армии.

Также для него будет некоторым ободрением, узнав немного из того прекрасного и славного, которое видела наша старая Земля, уразуметь, что это лишь бледные предвестники той славы и красоты, которая только грядёт.

Но мы не должны оставить эти незначительные наброски двух картин из прошлого золотого века, вставленные нами в огромную картину мировой истории, не упомянув идеи, которая обязательно придёт в голову тому, кто их изучает. Мы — те, кто любит человечество и старается, хотя бы и немного, помочь ему на его многотрудном пути, можем ли мы читать об условиях, существовавших в древней Халдее, и пожалуй, ещё в большей степени — в древнем Перу, где народы жили счастливой и праведной жизнью, свободные от проклятия неводержанности и ужасов нищеты, можем ли мы читать об этом без закрадывающегося сомнения — действительно ли человечество эволюционирует? Мы задаём себе вопрос — разве это на благо человечества, что после всего того, что достигли эти цивилизации, им было позволено разрушиться и пасть, не оставив и следов, и теперь мы пришли к *этому*?

Да, поскольку мы знаем, что закон прогресса — это закон циклических изменений, и согласно ему личности, империи, расы и миры уходят и больше не возвращаются — в той же форме. Все формы должны погибнуть, какими бы прекрасными они ни были, чтобы пребывающая в них жизнь могла расти и расширяться. Мы также знаем, что этот закон — выражение Воли, божественной воли логоса, и потому в конечном счёте его действие должно быть на благо любимого нами человечества. Никто никогда не любил человека так, как он, пожертвовавший собой, чтобы человек мог быть; он знает всю эволюцию, от начала и до конца, и он удовлетворён. Это в его руке, той руке, которая благословляет человека, все судьбы людей, и есть ли среди нас хоть один, кто не доволен этим и не хотел бы оставить их в его руках, и не удовлетворённый до глубины души, слыша, как он говорит, как однажды один Великий Учитель сказал своему ученику: "что я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после"?

Составление и перевод К. З.